

I.

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ ВОЕННАГО ОБОЗРѢНІЯ РУССКИХЪ ГРАНИЦЪ ВЪ АЗІИ.

УЧАСТОКЪ ДЕСЯТЫЙ.

АРАЛЬСКІЙ или ХИВИНСКІЙ.

Обширное пространство по сторонамъ Аральскаго Моря, отъ береговъ Мертваго Култука до подножія Каратаускихъ горъ и отъ паралели станицы Калмыковской, уврѣленной Уильскаго и Тургайскаго на югъ до полуденныхъ предѣловъ Хивы, представляетъ мѣстность, которая въ естественно-историческомъ, въ стратегическомъ и въ другихъ отношеніяхъ образуетъ одно цѣлое, характеризуемое многими такими особенностями, какія не встрѣчаются на другихъ азійскихъ окраинахъ Россіи. Единство это, впрочемъ, обусловливается не нахожденіемъ по самой серединѣ пространства Аральскаго Моря, а существованіемъ въ южной его части осѣдлаго Хивинскаго оазиса, который и экономически и политически долго господствовалъ надъ всѣми при-аральскими равнинами, да и доселѣ сохраняетъ на нихъ вліяніе, вынуждая насъ держать значительныя военныя силы на низовьяхъ Сыръ-дарьи и противу промежутка между Араломъ и Каспіемъ. По крайней непроизводительности почвы въ этихъ мѣстахъ, по невозможности основанія среди большей части ихъ русскихъ осѣдлостей и по открытости степенъ къ югу, эта часть нашихъ государственныхъ

окраинѣ въ Азіи есть одна изъ наиболѣе трудно-охраняемыхъ и потому самому заслуживаетъ особаго вниманія съ военной точки зрѣнія.

Въ тѣхъ пространствахъ, которые указаны выше, подлежащее описанію пространство состоитъ: 1) изъ зауральскихъ частей уѣздовъ Гурьевскаго и Казалинскаго и всего Эмбенскаго, Уральской области, изъ южной половины Иргизскаго уѣзда, области Тургайской и изъ уѣздовъ Казалинскаго, Перовскаго и задарьинскихъ частей: Туркестанскаго, Чемкентскаго и Ходжентскаго, области Сыръ-дарьинской; 2) изъ восточной части Мангышлакского пространства; 3) изъ Хивинскаго ханства съ зависимыми отъ него землями туркменовъ, киргизовъ и каракалпакъ и 4) изъ Аральскаго Моря. По отношенію къ каждой изъ этихъ четырехъ мѣстностей, военныя и другія соображенія столь различны, что необходимо каждую изъ нихъ рассмотреть отдѣльно и притомъ въ такой подробности, какая обуславливается ея политическою и экономическою важностію для Россіи. Какъ общую характеристическую черту всего пространства, слѣдуетъ замѣтить отсутствіе сколько-нибудь значительныхъ высотъ и совершенно степной характеръ природы.

1. Стени на сѣверъ отъ Усть-Урта и Аральскаго Моря и по Сыръ-дарьѣ.

Страна отъ низовій Урала и сѣверо-восточнаго берега Каспійскаго Моря до Сары-су лежитъ частию ниже уровня океана и лишь постепенно поднимается въ направленіи къ востоку и сѣверу. Гора Айрюкъ, принадлежащая къ системѣ Мугаджаръ и достигающая 1,060 футовъ надъ моремъ, есть господствующій надъ сей пунктъ. Идя отъ нея послѣдовательно въ разныхъ направленіяхъ, мы встрѣчаемъ слѣдующее:

На западъ степь сначала холмиста, особенно по верховьямъ Эмбы, Уила и Сагиза, но потомъ мало-по-малу обращается въ совершенную равнину, съ почвою частию песчаною, частию твердо-глинистою, частию солончаковою. Значительная часть этой степи бесплодна; особенно же безотрадною отличается пространство отъ лѣваго берега Эмбы до подножія Усть-Урта. Съ приближеніемъ къ Каспійскому Морю, степь дѣлается или песчаною, или солончаковою и наконецъ почти незамѣтно сливается съ самымъ моремъ помощью множества камышевыхъ болотъ и ериковъ (заливовъ), въ которыхъ вода стоитъ при западныхъ вѣтрахъ, но уходитъ при восточныхъ и сѣверныхъ.

Слѣдующіе мѣстные предметы обращаютъ на себя вниманіе въ

этой части степи: рѣки Уралъ, Уилъ, Сагизъ, Эмба, Чеганъ; озера Индерское, Кабакъ-куль и Камышъ-куль; соляныя грязи Чушла-куль, Ащябулакъ, Чумышъ-куль, Псеиджалъ, Манай-ли-соръ, Тентякъ-соръ и Ямакъ-соръ; пески Кумъ-джарганъ, Кокъ-кумъ, Акъ-кумъ-Сагизъ, Тай-суганъ и Байрюкъ, Кара-кумъ, Люсонъ, Сары-кумъ. Положеніе всѣхъ ихъ обозначено на общезвѣстной пятидесяти-верстной картѣ Оренбургскаго края; что же касается до свойствъ мѣстныхъ предметовъ, то здѣсь, на основаніи трудовъ Берга, Алексѣева, Мейера и др., можно сказать слѣдующее. Изъ рѣкъ только Уралъ доходитъ до моря, но и то въ послѣдніе годы устья его стали мелѣть и заростать камышемъ; долина же выше Гурьева и Сарайчиновой содержитъ въ себѣ не мало кустарниковъ и деревьевъ, которые берегутся казаками, какъ средство для предохраненія рѣки отъ совершеннаго пересыханія; мѣстами есть и луговые пространства. Сагизъ и Уилъ терятся въ пескахъ и въ соляныхъ грязяхъ; Эмба также не доходитъ до моря, по крайней мѣрѣ большую часть года, а въ жары она даже обращается въ рядъ отдѣльныхъ плесовъ съ водою горько-соленою вездѣ, кромѣ верховій. Рѣка Чеганъ и притокъ ея Мани даже совсѣмъ безводны въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ и имѣютъ воду собственно въ руслахъ лишь весною, послѣ таянія снѣговъ. Всѣ прочія мелкія рѣчки стени, обыкновенно посящая названія Кара-су, Сары-су и т. п. представляютъ тѣ же условія. Изъ озеръ Индерское извѣстно обиліемъ самосадочной соли, а Кабакъ-куль и Камышъ-куль представляютъ рѣдкое въ здѣшней степи явленіе прѣсноводныхъ озеръ. Небольшое озеро Масме, на Нижней Эмбѣ, гдѣ въ 1871 году построено укрѣпленіе, также предполагалось прѣснымъ, но на дѣлѣ вода въ немъ дурна.

Соляныя грязи вообще суть самыя непригодныя части степи, болѣею частью непроходимыя и иногда представляющія опасность для людей и животныхъ, которые, по неосторожности ступивъ на подсохшую поверхность ихъ, проваливаются почти безъ надежды выбраться. Этимъ свойствомъ особенно отличаются грязи у подошвы Усть-Урта. Кромѣ того, всѣ вообще солончаки, т. е. даже и сухіе, отдѣляютъ, при первомъ вѣтрѣ въ жаркую погоду, множество ѣдкой пыли, а при дождяхъ обращаются въ вязкую грязь. Пески далеко превосходятъ удобствами не только ихъ, но и твердо-глинистыя степныя пространства, и среди ихъ нѣрѣдко встрѣтить не только травы, правда рѣдкія, но кустарники, и, самое главное, прѣсную воду въ неглубокихъ колодцахъ. Каракумскіе пески у сѣверо-восточнаго берега Каспійскаго Моря, а затѣмъ пески Уймаутъ, на пути

отъ Эмбы къ Усть-Урту, особенно известны обиліемъ прѣсной воды и растительности, обиліемъ, конечно, относительнымъ.

Въ срединѣ, т. е. прямо на сѣверъ отъ Аральскаго Моря, главные мѣстные предметы суть южные отроги Мугоджарскихъ горъ и пески Барсуки, Большіе и Малые. Первые тянутся полосой до двухсотъ верстъ длины и мѣстами до пятидесяти ширины на сѣверъ отъ залива Чернышева и полуострова Куланды, вторые на сто двадцать верстъ къ сѣверу отъ залива Перовскаго. Пространство между ними представляетъ частію голую солонцоватую степь, частію тонкіе солонцы и, наконецъ, соляныя грязи и озера. Часть этого пространства, прилегающая къ заливу Тие-басъ, вѣроятно еще въ прошломъ столѣтіи была подъ водою, какъ можно думать по сравненію картъ Аральскаго Моря нынѣшней и геодезиста Гладышева, а также и по самому виду обсохшей почвы. Пески Барсуки, вѣроятно береговые дюны прежняго моря, замѣчательны тѣмъ, что служатъ зимовками для нѣкоторыхъ родовъ киргизовъ, тогда какъ вся соедѣнная солонцоватая степь, по причинѣ совершенной безплодности, и лѣто и зиму большею частью остается пустою, представляя весьма большое препятствіе къ устройству правильнаго сообщенія Сыръ-дарьинской Области съ Оренбургскимъ краемъ. Даже рѣки Ирғизъ и Тургай мало помогаютъ оживленію этой печальной пустыни, ибо въ первой изъ нихъ вода обыкновенно соленая и берега обѣихъ изрѣдка лишь поросли тальникомъ или камышемъ. Большое озеро Челкарь, въ которое впадаютъ остатки водъ обѣихъ рѣкъ, послѣ ихъ сліянія, почти сплошь представляетъ только соляную грязь, а водой наполняется лишь во время весеннихъ разливовъ. Съ запада, по направленію къ Ирғизу, вытекаютъ нѣсколько ручьевъ изъ Мугоджарскихъ горъ, во всѣ они теряются въ степи, не доходя до главной рѣки и представляя въ обыкновенное время сухія русла.

На востокъ, по обѣимъ сторонамъ Сыръ-дарьи, большая часть степной почвы состоитъ изъ песковъ. Это известные Каракумы на сѣверѣ и Кызыль-кумы на югѣ отъ Сыра. Впрочемъ, Каракумскіе пески, начинающіеся южнѣ Челкара, не вездѣ достигаютъ до сыръ-дарьинскаго русла, а мѣстами оставляютъ обширныя пространства для голой глинисто-солонцоватой почвы, какъ, напримѣръ, на сѣверѣ отъ Кармакчи.

Въ западной половинѣ каракумской песчаной равнины встрѣчаются также обширныя солонцы и соляныя озера, какъ то Мизбилъ, Чумышъ-вуль, Ханъ-султѣнъ, Камышлы-башъ, Якин-курайли, а въ южной и восточной замѣчательны соляныя озера Кынокъ-тузъ и

Арысъ. Вдоль самой рѣки Сыръ-дарьи заслуживаютъ особеннаго вниманія большіе болотистые и поросшіе камышемъ либо тростникомъ разливы Караузяка, одного изъ рукавовъ Сыра, который отдѣляется отъ главнаго русла въ 17-ти верстахъ ниже Перовска вправо и снова вливается въ рѣку у форта № 2. Выше же Перовска, на правомъ берегу Сыра, встрѣчаются твердые и бугристые пески, перемѣшанные съ солончаками и тянущіеся до рѣкъ Сары-су и Чу, до озера Саумалъ-куля и до горъ Каратаускихъ.

На лѣвомъ берегу Яксарта пески еще болѣе развиты, чѣмъ на правомъ, и тутъ ихъ расположеніе на земной поверхности, по словамъ Мейера, подчинено нѣкоторой системѣ, а именно: проходящая среди ихъ ложбина направляется либо съ сѣвера на югъ, либо съ востока на западъ. Первые постоянно наполнены солонцами, и если содержатъ въ себѣ колодцы, то непрѣнно съ соленой водой; вторыя суть какъ бы остатки прѣсноводныхъ руселъ и воду въ копаняхъ имѣютъ прѣсную. Въ эту часть степи, благодаря низменности ея положенія, врываются рукава Яксарта: Джаны и Куванъ-дарьи. Первая отдѣляется отъ общаго русла Сыра въ 11 верстахъ ниже Перовска и течетъ сначала по болотистой, потомъ по твердо-солонцоватой и наконецъ по песчаной степи, на юго-западъ, чрезъ укрѣпленіе Прикбай, къ озеру Кучка-теңгизу, въ которомъ терпится. Въ тѣхъ случаяхъ, когда русло ея не наполнено сплошь водою, оно представляетъ потокъ до 350 верстъ длиною, иногда требующій для переправы камышевыхъ плотовъ. Вторая, т. е. Куванъ-дарья, отходитъ отъ главнаго русла Сыра, или Джаманъ-дарьи, верстахъ въ 20-ти ниже Джаны-дарьи и направляется почти прямо къ западу, черезъ болота и пески, въ которыхъ терпится, не доходя далеко до Аральскаго Моря. Русло Кувана наполнено прѣсноводными плесами, или омутами, и колодцами, а по верхнимъ частямъ этого степного потока есть даже нашини, орошаемыя его водою посредствомъ арыковъ. Джаманъ-дарья, т. е. главное русло Сыра, на пространствѣ между Перовскомъ и Кармакчи маловодна и чрезвычайно извилиста, такъ что судоходство по ней весьма затруднительно, особенно въ малую воду, когда нужно плавать на парходахъ не болѣе какъ съ двумя футами осадки, но достаточно сильныхъ, чтобы преодолѣвать теченіе по четыре или по пяти узловъ въ часъ, и поворотливыхъ, чтобы не патыкаться на берегъ. По соединеніи Джаманъ-дарьи съ Караузякомъ, Сыръ снова становится хорошою судоходною рѣкою, но только до устья, гдѣ опять встрѣчаются мели, тянущіеся въ море. Изъ трехъ рукавовъ, на которые рѣка раздѣляется тутъ, только средній имѣетъ

въ большую воду отъ трехъ до четырехъ футовъ глубины; два же другіе во всякое время переходимы въ бродъ. Этому мелководью думали помочь запрудой Яны и Куванъ-дарьи, а также выпрямленіемъ русла Джаманъ-дарьи, что увеличило бы скорость теченія въ низовьяхъ Сыра и повело бы къ смытію отмелей; но до сихъ поръ всѣ такіе попытки не имѣли успѣха. Выше Перовска, Яксартъ судоходенъ по крайней мѣрѣ до Чиназа; но также очень извилистъ и, благодаря мягкости почвы, по которой течетъ, нерѣдко мѣняетъ русло, что затрудняетъ плаваніе, особенно послѣ большихъ разливовъ. Переправы чрезъ Сыръ-дарью у Казалинска, Перовска, Чиназа и проч. дѣлаются на паромехъ; гдѣ ихъ нѣтъ, тамъ туземцы прибѣгаютъ къ камышевымъ плотамъ или къ перегону скота въ бродъ. Зимой, т. е. отъ конца ноября по мартъ, переѣздъ черезъ рѣку совершается по льду.

Въ пескахъ на югъ отъ низовій Сыра, въ прежнее время, текла рѣка Кызылъ-дарья; нынѣ даже и слѣды этой рѣки еще не отысканы, хотя, можетъ быть, низовья Джаны-дарьи отчасти совпадаютъ съ этимъ русломъ. Степь по правую сторону Кызылъ-дарьи, къ сторонѣ Чиназа и Ходжента, уже не столь песчана, какъ по лѣвую, т. е. по западную ея сторону, и представляетъ, напротивъ, гладкую глинистую равнину; но удобна ли она для орошенія канавами изъ соседнихъ частей Сыра—это вопросъ, нерѣшенный ирригаторкой. Можно, кажется, думать, что далеко внутри этой равнины орошеніе простираться не можетъ, такъ какъ, вѣроятно, она имѣетъ покатость къ востоку; ибо иначе Сыръ-дарья отъ Ходжента незачѣмъ было бы поворачивать къ сѣверу. За южную окраину кызылкумской низменности слѣдуетъ принять горы Нурагышъ-тау, отдѣляющія ее отъ долины Зерафшана; но эти горы составляютъ только часть окраины. На большинствѣ же протяженія, Кызылъ-кумы открыты на югъ и сливаются съ песчаными равнинами, окружающими Бухарскій оазисъ и простирающимися не только до Оксуса, но и далеко на югъ отъ этой рѣки, внутри Туркменіи. Сѣвернѣе Бухарскаго оазиса, среди кызылкумской степи высятся гряды холмовъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Капканъ-тау или Буканскихъ горъ, весьма мало еще изслѣдованныхъ. Отъ нихъ, къ юго-западу, песчаная равнина Батпакъ-кумъ разстилается до предѣловъ Хивы, такъ что все песчано-степное пространство по обѣимъ сторонамъ Сыра, входящее нынѣ по большей части въ предѣлы Сыръ-дарьинской Области, образуетъ площадь въ 800 верстъ длины и 400 ширины, или въ 6,400 квадратныхъ географическихъ миль.

II. Усть-Уртъ.

Обратимся теперь на западъ отъ Аральскаго Моря. Здѣсь передъ вами обширная плоская возвышенность Усть-Урта, которая разстлана до самаго Каспійскаго Моря и круто падаетъ не только къ водамъ обоихъ морей, но и къ сторонѣ соседней имъ суши. Усть-Уртъ имѣетъ поверхность весьма ровную; единственные рѣзкіе углубленія въ его почвѣ суть овраги, которыми изрыты его окраины, образующія на всемъ своемъ протяженіи такъ называемый чинкъ, т. е. обрывъ отъ 400 до 650 футовъ высотой. Овраги вообще проникаютъ недалеко внутрь Усть-Урта и отличаются такою же крутизной береговъ, какъ самый чинкъ. Послѣдній начинается быть замѣтенъ на сѣверѣ, подъ $47\frac{1}{4}^{\circ}$ широты въ 30 верстахъ южнѣе конца Мугоджарскихъ горъ, къ которымъ не примыкаетъ. Это начало чинка есть высота Акъ-дюртъ-кулъ. Отсюда обрывъ тянется на юго-западъ со многими извилинами, которые образуютъ то выдающіяся части, мысы, то вдающіеся овраги или лощины. Изъ мысовъ наиболее замѣчательны Мышь-су-алмазъ, Тье-мунъ-чала и Баракъ, кромѣ того Тамды, съ горою Джияль-тау, которые образуютъ отдѣльный массивъ впереди Усть-Урта къ сѣверу. Между оврагами или лощинами, по ихъ ширинѣ и обширности, заслуживаютъ вниманія: Маначи, который переходитъ къ устью въ солончакъ, но вообще крутоберегъ; лощина между Мышь-су-алмазомъ и Тье-мунъ-чала, длиною 40 верстъ, Учъ-сай—три лощины, направляющія отъ-запада къ востоку, причемъ въ концѣ ихъ, подъ уступомъ чинка, лежатъ соляное озеро Тасъ-астау, близъ вершины котораго есть каменная пирамидка, Уй-уба; Тше-айрыкъ—плоскій оврагъ, съ дорогою изъ Оренбурга въ Хиву; 50 верстъ восточнѣе его опять такой же оврагъ; еще 20 верстъ восточнѣе оврагъ, Шерше. Значительная часть чинка, обращенная къ эмбенскимъ степямъ, орошается у подошвы почти безводною рѣкою Чаганъ; кромѣ того во впадинахъ или въ лощинахъ находятся мокрые солонцы, которые и питаются водою, очевидно, изъ того же обрыва Усть-урта.

На западъ, къ сторонѣ Каспійскаго Моря или, правильнѣе, залива Байдана (*), чинкъ очень крутъ, и тоже можно сказать про приаральскую его часть. На послѣдней обыкновенно спускается съ Усть-Урта невозможно, такъ что караванъ, идущій вверху, по гребню чинка, не можетъ спастись съ другимъ, который слѣдуетъ у него на виду, но у подошвы обрыва, т. е. вдоль самаго берега моря. Овраги здѣсь

(*) Самая западная часть Усть-урты, именно Мангышлакъ, описана въ главѣ о Туркменскомъ участкѣ.

коротки и крутобереги, и наиболѣе известные спуски по нимъ лежатъ сѣвернѣе мыса Акъ-Тумсукъ, у юго-западной оконечности Айбугирскаго озера. Юго-восточная часть чинка, за Айбугиромъ, по видимому составлявшая нѣкогда правый берегъ Аму-дарьи и болѣе или менѣе известная до Бешъ-дешика и Сары-камыша, южнѣе этого озера недовольно еще изслѣдована. И хотя мы знаемъ, что тутъ есть высочайшій мысъ или полуостровъ Капланкыръ, подъемъ по оврагу Кабахлы, вдоль дороги изъ Красноводска къ Сары-камышу, и большой оврагъ Диренъ-Димпе, идущій отъ сѣвера къ югу въ отпѣхъ широтахъ съ Карабугазомъ, но вообще топографія Усть-Урта требуетъ въ этихъ мѣстностяхъ новыхъ изслѣдованій.

Почва всей плоской возвышенности, занимающей перешеекъ между Аральскимъ и Каспійскимъ морями, болѣею частью солончатоглинистая или же глинисто-известковая и тогда очень твердая. На пей, однако, мѣстами встрѣчаются болѣе или менѣе обширные жидкіе солонцы, которые весной имѣютъ видъ озеръ, а лѣтомъ подсыхаютъ и имѣютъ обманчивый видъ твердой почвы. Изъ этихъ солонцовъ наиболѣе известны Барса-Кильмасъ, въ широтѣ 44°. Мѣстами, также на глинистой поверхности Усть-Урта, встрѣчаются пространства песчаныхъ, и это суть лучшія для кочевковъ, ибо производить хоть какую нибудь траву, промѣ обычной на Усть-уртѣ полыни, а также саксаулъ и другіе кустарники. Изъ этихъ несквозь особеннаго вниманія заслуживаютъ Самъ и Асмантай, подъ 45¹/₂° широты, имѣющие среди себя по самосадочному озеру. Пески Самъ простираются на 85 верстѣ въ длину и до 27 верстѣ въ ширину; Асмантай на 100 верстѣ въ длину и на 35 въ ширину, но бѣднѣе первыхъ водою. Вообще, вода на Усть-уртѣ очень рѣдка и добывается только изъ колодезевъ, иногда очень глубокихъ, напримѣръ 12 или 15 сажень, и притомъ она никогда не бываетъ совершенно прѣсною, а нѣрѣдко бываетъ и повсе горько-соленою. Лучшіе колодези находятся въ западной половинѣ края, по близости Каспійскаго Моря, гдѣ и дожди случаются чаще. Тутъ мы встрѣчаемъ, напримѣръ, слѣдующіе колодези:

Ишке-курганъ	на 5,000 лошадей и 3,000 верблюдовъ.
Узлы	» 1,000 » » 300 »
Джунъ баянъ	» 1,000 » » 600 »
Кипбай	» 300 » » 100 »
Тудель	» 200 » » 50 »
Косъ-кулакъ	» 600 » » 200 »

Бишъ-ауаъ	» 1,000 » » 400 »
Арастанъ-буга	» 500 » » 300 »

Чѣмъ ближе къ востоку, тѣмъ колодези становятся бѣднѣе водою. Лучшіе, по качеству воды, тамъ, гдѣ есть пески, чѣмъ и опредѣляется значеніе послѣднихъ для каравановъ и для кочевниковъ.

III. Дживинскій оазисъ.

Низовья Аму-дарьи, Оксуса грековъ, Джигуна арабовъ, на протяжении около трехсотъ верстѣ отъ впаденія рѣки въ Аральское Море съ давнихъ временъ обращены человекомъ въ плодородный оазисъ. Мы не знаемъ навѣрное, былъ-ли онъ прежде обширнѣе или сократился въ объемъ отъ возрастающей сухости средне-азиатскаго климата, подобно тому, какъ сократилось самое Аральское Море и исчезли совсѣмъ оазисы по низовьямъ Яксарта (*); но и доселѣ онъ не только нитаетъ довольно многочисленное мѣстное населеніе, но и служитъ экономическимъ и политическимъ центромъ для всѣхъ помянутыхъ, разсѣянныхъ по соседнимъ степямъ. Въ средніе вѣка, эта страна была известна подъ именемъ Ховареэма, въ наше же время образуетъ Хивинское ханство.

Рѣка Аму-дарья, по выходѣ изъ горныхъ долинъ на плоскость, въ бухарскихъ владѣніяхъ, имѣетъ совершенно тотъ же характеръ степной рѣки, какъ соседній на сѣверѣ Сыръ, какъ Или въ Семирѣченской Области и Таримъ въ Малой Бухаріи. Быть можетъ, она немного полноводнѣе Сыра. По берега ея представляютъ ту же степь, то песчаную, то глинистую, а непосредственно прилегающую къ руслу долина поросла то камышемъ, то рѣдкимъ кустарникомъ, или же имѣетъ пустынные берега. Остѣдное населеніе держится вдали отъ этой жаркой и обильной мучительными пашкомъ долинами, такъ что на всемъ восьмисотъ-верстномъ пространствѣ, отъ предѣловъ Бундуза до Питняна, встрѣчаются лишь немногіе кишлаки и крѣпости — Устыкъ, Чарджуй, Карки, Келефъ — построенные при переправахъ черезъ рѣку, по большимъ караваннымъ путямъ. Степь, орошаемая этою частью Джигуна, представляетъ значительную покатость къ сѣверо-западу, отъ чего рѣка быстра и имѣетъ мутную воду, какъ результатъ размыванія береговъ. Быстрота еще усиливается во время лѣтнихъ разливовъ, соответствующихъ таянію горныхъ снѣговъ на верховьяхъ рѣки. У Чарджуя, по измѣренію Бориса, Аму-дарья имѣетъ 267 сажень ширины и до 4-хъ сажень глубины въ малую воду. Судя по опытамъ сдѣланнымъ на низовьяхъ, она

(*) Разумѣемъ окрестности Джанкентъ, Отрара, Туннута, Шурна и проч., считавшіяся до сихъ поръ, что на низовьяхъ Сыра были прежде многочисленные города.

должна быть судоходна въ этой средней части для значительныхъ пароходовъ, тѣмъ болѣе, что русло ея далеко не столь извилисто и разбито на рукава, какъ Сыръ-дарья, хотя, быть можетъ, имѣетъ выше Питняка небольшие пороги. Впрочемъ, на дѣлѣ Оксусъ носитъ здѣсь лишь незначительныя плоскодонныя лодки.

Близъ Питняка, Аму-дарья начинаетъ развѣтвляться, впрочемъ сначала не на естественныя рукава, а на искусственныя каналы. По самому свойству береговъ, изъ которыхъ правый выше лѣваго и еще обставленъ недалеко горами *Шейхъ-Джели*, каналы направлены почти всею нѣсколькими, т. е. на западъ, съ отклоненіями то къ сѣверу, то къ юго-западу. На правой же сторонѣ, до самаго города Ходжейли, т. е. до раздѣленія Аму-дарьи на естественныя рукава, есть всего одинъ значительный каналъ, *Инахскій*, на высотѣ городовъ Хазаръ-ата и Новаго-Ургенча. Данилевскій, составившій самое подробное описаніе Хивинскаго ханства, впрочемъ относящееся еще къ 1843 году, описываетъ слѣдующіе десять большихъ лѣвыхъ каналовъ Оксуса:

Питнякъ, вытекающій изъ Аму въ трехъ верстахъ отъ города Питняка и пропадающій въ озерцѣ Аякъ-кулѣ, въ двѣнадцати шести верстахъ отъ истока. Онъ имѣетъ ширину до двухъ съ половиною сажень и питаетъ многочисленныя побочныя каналы, которые служатъ для непосредственнаго орошенія полей и часто измѣняются въ своемъ направленіи и числѣ.

Полванг-ата — главный каналъ Хивинскаго оазиса по многоводію — начинается въ двѣнадцати верстахъ ниже Питняка и оканчивается за Хивою, въ озеркѣ Курантази, послѣ 85 верстъ теченія. Ширина его въ началѣ до 25 сажень, глубина 3 сажени; но, постепенно развѣтвляясь на мелкіе арыки, онъ мелѣетъ и становится уже. Не менѣе двадцати одного средней величины каналовъ выходитъ изъ него вѣтви и четыре вправо. Города Хазаръ-атъ, Ишапъ, Багатъ и самая Хива получаютъ изъ него свою воду.

Казаватъ — опять большой каналъ, до девятидесяти верстъ длиною, при десяти саженьяхъ первоначальной ширины, проходить чрезъ земли городовъ Ханни, Кошъ-Купыра и Казавата и даетъ вѣтви для большихъ вѣтвей, въ свою очередь раздѣляющихся на множество мелкихъ арыковъ.

Шахъ-Абатъ, длиною 135 верстъ, шириною до 14-ти сажень; онъ проходитъ чрезъ земли городовъ Новаго-Ургенча, Шахъ-Абата, Амбара, Ташауса и Ильили и развѣтвляется на девять рукавовъ, изъ которыхъ пять направлены къ сѣверу. Шахъ-Абатъ очень мно-

говоденъ, быстръ и сохраняетъ до глубокой осени отъ пяти до шестидесяти футовъ глубины.

Армышъ — параллельный предъидущему и вытекающій въ пятнадцати верстахъ сѣвернѣе его; отличается крутизною береговъ, вслѣдствіе насыпей. Ширина его до восьми сажень, но питаемые имъ арыки незначительны.

Клычъ-Нязбай вытекаетъ посѣбною верстами ниже предъидущаго и питаетъ своими водами города Гурленъ и Клычъ-Нязбай, имѣя въ длину 96 верстъ и въ ширину почти повсемѣстно десять сажень. Изъ него выходятъ одинъ значительный арыкъ нѣсколькими и четыре направо.

Карауузъ беретъ начало въ пространствѣ между Гурленомъ и Китаемъ и течетъ около восьмидесяти верстъ по землямъ Китая и Булдумзаса, имѣя среднюю ширину до шести сажень.

Арна начинается вблизи Мангыта и, вросивъ землю этого города и Порсу, оканчивается ниже послѣдняго озеромъ Порсу. Длина его около шестидесяти верстъ, а если считать съ отдѣляющимся отъ него вѣтви арыкомъ Ины-яномъ — 85 верстъ, причемъ наибольшая ширина восемь сажень.

Сувази — каналъ, отдѣляющійся отъ Аму-дарьи уже послѣ раздѣленія ея на естественныя рукава у Ходжейли, именно въ десяти верстахъ ниже начала рукава Лаудана, который питаетъ Айбугирское озеро.

Ханскій каналъ принадлежитъ также къ системѣ водъ дельты Аму-дарьи, ибо отдѣляется отъ нея лишь въ пяти верстахъ выше Куинграда. Онъ имѣетъ всего двадцать верстъ длины и быстро расходится по мелкимъ арыкамъ. Особенность его — низменное положеніе береговъ, которыхъ уровень почти одинаковъ съ уровнемъ воды въ каналѣ.

Таковы главнѣйшіе изъ искусственныхъ рукавовъ Аму-дарьи, которые, хотя не доходятъ до моря, но, по многоводности своей и экономическому значенію для страны, заслуживаютъ особеннаго вниманія при военно-статистическомъ обзорѣ края. Съ точки зрѣнія тактики, они представляютъ довольно важныя препятствія для движенія войскъ, ибо почти не имѣютъ мостовъ, а въ бродѣ часто непроходимы для конницы. Въ стратегическомъ же смыслѣ они еще важнѣе, ибо стоитъ только овладѣть ихъ истоками и запретить воду, чтобы вынудить немедленную покорность всѣхъ городовъ и селеній, пользующихся ихъ нѣсколькими водами. Впрочемъ, площадь, орошаемая каналами и ихъ развѣтвленіями, вообще говоря, незначительна, ибо

орошаемыя мѣста обыкновенно прилегаютъ къ самому каналу, и потому составляютъ лишь узкую полосу вдоль его; промежуточные же пространства между такими полосами суть степи, годныя только для кочевковъ, но не для устройства осѣдлостей. Невозможно опредѣлить суммы всѣхъ производительныхъ площадей; но если взять въ расчетъ, что *вся* поверхность Хивинскаго оазиса или дельты Аму-дарьи, ниже Питилка, не превосходить 260 квадратныхъ миль, то на производительную поверхность приблизительно останется 115 или 120 квадратныхъ миль, такъ какъ болѣе половины края занято именно степями или, какъ увидимъ сейчасъ, болотами, неудобными къ обработкѣ.

Переходя къ обзору естественныхъ развѣтвленій Аму-дарьи, мы должны замѣтить, что обширная натуральная дельта ея начинается болѣе чѣмъ въ полутораста верстахъ отъ устья и по общему очертанію представляетъ трапецію между Айбугиромъ, Аральскимъ Моремъ до залива Туше-басъ и истокомъ рукава Лаудана, у подножія горъ Бишъ-тюбе. Площадь этой трапеціи равна приблизительно 190 квадратнымъ милямъ и представляетъ такую низменность, что большая часть ея есть обширное болото, поросшее камышемъ, тростникомъ, осокою и проч. Среди этой болотистой низменности извиваются многочисленныя рукава Аму-дарьи, перѣдко измѣняющіе ложа свои, а еще чаще количество водъ. Рукава эти не всѣ изслѣдованы европейцами, и потому не могутъ быть описаны съ достаточной точностью; но вотъ сущность свѣдѣній о тѣхъ, которые нанесены уже на наши карты:

Лауданъ отдѣляется отъ главнаго русла Аму у крѣпости Бента, на половинѣ пути между Килчакомъ и Ходжейлап, тремя протоками, которые потомъ сливаются въ одинъ. Его длина, до впаденія въ Айбугирское озеро, достигаетъ ста верстъ, и еще не очень давно это былъ значительнѣйшій изъ всѣхъ побочныхъ рукавовъ Окса, но теперь онъ много уменьшился въ объемъ, потому что воды Аму-дарьи, естественно или искусственно, получили направленіе главнымъ образомъ въ восточные рукава. Въ 1848—58 годахъ Бутаковъ находилъ при устьѣ Лаудана въ Айбугирскій заливъ не болѣе полутора футовъ глубины, при очень слабомъ теченіи, и полагалъ, что рукавъ этотъ наполняется только отъ переливовъ воды чрезъ плотины. Въ шестидесяти верстахъ отъ Бента отдѣляется отъ Лаудана вѣтвь рукава *Сакраукъ*, вѣроятно главное русло Окса въ то время, когда онъ впадалъ въ Каспійское Море. Этотъ Сакраукъ запруженъ хивинцами въ двухъ мѣстахъ: у Куня-Ургенча и въ сорока верстахъ

ниже его; но, несмотря на то, во время половодья Аму-дарья непрерывно наполняетъ его до Сарыкамышскаго озера, вмѣстѣ съ самимъ этимъ озеромъ, имѣющимъ поверхность болѣе ста квадратныхъ верстъ.

Кукъ-узакъ вытекаетъ изъ главнаго русла Окса противу Ходжейлап и направляется на сѣверо-востокъ къ озеру Тампыне-аяче (въ со-вѣстѣи съ Дау-карою) и оттуда къ заливу Аральскаго Моря, Туизебасу. Это одинъ изъ многоводнѣйшихъ рукавовъ Аму-дарьи, пройденный Бутаковымъ на 34 версты отъ устья съ довольно значительнымъ пароходомъ, но далѣе вверхъ представляющій мелководныя стремнины среди камней. Ширина осматрѣнной части, извѣстной подъ названіемъ *Янгису*, отъ 40 до 70 сажень. Прибрежья его служатъ стоянками для каракалпачковъ, которые тутъ имѣютъ хорошія пашни, искусственно орошенныя. Быть можетъ, часть воды вливается въ него съ запада изъ другого рукава Аму-дарьи, называемаго Ульхунъ-дарьей; но, съ другой стороны, весьма вѣроятно, что онъ самъ посылаетъ дань той же Ульхунъ-дарьѣ, которая, на половинѣ своего протяженія между Кунградомъ и моремъ, принимаетъ справа значительныя притоки.

Возможно также, что эти притоки идутъ изъ слѣдующаго затѣмъ рукава Аму-дарьи, изъ *Карабайлы*, который отдѣляется отъ главнаго русла ниже Кукъ-узакъ, верстахъ въ сорока, и также направляется частью своихъ водъ къ Дау-карь, а частью къ озеру Агертынъ-кулъ. Первоначальная ширина этого рукава въ 1840-хъ годахъ была всего пятнадцать сажень; но, по сдѣланному уже замѣчанію относительно увеличенія многоводности восточныхъ развѣтвленій Окса, могла съ того времени возрасти. По Бутакову, Карабайлы просто исчезаетъ въ разливахъ или лиманахъ, питающихъ впрочемъ Ульхунъ-дарью.

Чуманай — рукавъ, отдѣляющійся въ двухъ верстахъ ниже Карабайлы и впадающій въ Айбугиръ, куда достигаетъ черезъ заросшія камышемъ болота. Туда же идутъ два слѣдующіе рукава. *Кіанг-Ярганъ* и *Кукъ-дарья*, отличающіеся отъ предыдущаго крутыми глинистыми берегами.

Талдыкъ, притокъ залива того же имени, въ который онъ впадаетъ посремы устьями, изъ которыхъ два способны въ полную воду впускать морскія суда, какъ доказалъ опытъ 1858 года. Рукавъ этотъ есть западная вѣтвь того большого раздвоенія, которое дѣлаетъ Оксъ у Кунграда, и имѣетъ пятьдесятъ сажень ширины. Берега его не высоки, но круты, ибо почва состоитъ изъ глинъ и ила, легко дающихъ, при подыманіи, яры. Впрочемъ, верстахъ въ

пятнадцати отъ моря, вся окрестная страна становится совершенною низменностью, едва возвышающеюся надъ уровнемъ воды и потопляемою въ большіе разливы. Талдыкъ, по Бутакову, въ 1848—49 годахъ имѣлъ при впаденіи въ море тоже столь быстрое теченіе, что сбивалъ съ ногъ людей, а въ 1858 году воды его изасорились, дно было вязко и глубина на барѣ не превосходила полутора футовъ.

Ульхунъ-дарья есть восточная вѣтвь кунградскаго раздвоенія и, какъ показываетъ самое названіе (ульхунъ, значитъ «большая»), составляетъ, во мнѣніи туземцевъ, настоящее продолженіе Окса. Ширина ея измѣняется отъ 50 до 100 сажень, а въ большую воду бываетъ отъ 120 до 150 сажень. По ней въ 1858 году Бутаковъ поднимался до Кунграда на пароходѣ «Перовскій» и вездѣ, кроме ближайшихъ окрестностей Кунграда, гдѣ было всего четыре фута, находилъ глубины отъ 8 до 18 футовъ. Впрочемъ, это было въ полную воду. На половинѣ пути отъ Кунграда къ морю, Ульхунъ-дарья отдѣляется еще вправо рукавъ, *Казакъ-дарью*, который, нужно думать, отчасти соединяется съ Кунъ-узкомъ, отчасти вливается непосредственно въ море чрезъ устье, называемое *Джалтанамъ*.

Итакъ, принимая Ульхунъ-дарью за главное русло Окса, мы имѣемъ пять рукавовъ, отдѣляющихся отъ послѣдняго лѣво и три вправо, которые, развѣтвляясь въ свою очередь, даютъ въ суммѣ не менѣе пятнадцати устій къ сторонѣ Айбугира и Аральскаго Моря, да еще два протока глухихъ, теряющихся въ Даукарѣ и Сары-камышѣ. Вся мѣстность этой естественной дельты, повторимъ, отличается низменностью, и если среди ея находятся небольшіе бугры, въ родѣ Кубатау, Мазлымъ-суфи и Тюби-тау, то эти бывшіе островки прежняго Аральскаго Моря теперь сильно обмыты водою и обращаютъ на себя вниманіе только потому, что лежатъ въ совершенной равнинѣ.

IV. Аральское Море.

Приведенные факты исчерпываютъ большую часть тѣхъ топографическихъ подробностей, которыя заслуживаютъ вниманія при военномъ обзорѣ Аральскаго пограничнаго пространства. Остается перейти къ самому Аральскому Морю. Море это, какъ уже было замѣчено, хотя и лежитъ среди всѣхъ описанныхъ частей суши, однако не служитъ связующимъ ихъ звеномъ. Причинъ тому нѣсколько, но главнѣйшая состоитъ въ совершенной пустынности его береговъ, такъ что на нихъ нѣтъ, и по видимому не можетъ быть, постоянного человѣческаго жилья. Затѣмъ слѣдуютъ: недостатокъ гаваней, трудность входа морскихъ судовъ въ устья Сыра и Аму-дарьи, дороговизна устройства и содержанія этихъ судовъ въ далекомъ и

пустынномъ бассейнѣ и, наконецъ, опасности плаванія отъ вѣтровъ и прибрежныхъ отмелей. Слѣдующія подробности послужатъ къ уясвленію и развитію всѣхъ сказанныхъ положеній.

Уровень Аральскаго Моря, по опредѣленію Загоскина, Анжу и Дюгамеля, на 36, а по Струве на 48 футовъ выше уровня океана, и на цѣлые 120 (132 фута) выше Каспійскаго Моря. Поверхность его равна 1,207 квадратныхъ миль при наибольшей длинѣ, отъ Сары-чаганска до Ургу-мурула, въ 400 верстъ и ширинѣ въ 240 верстъ. Эти размѣры дѣлаютъ его однимъ изъ обширѣйшихъ озеръ въ свѣтѣ, но не отнимаютъ озернаго характера, высказывающагося въ свойствахъ воды, отсутствіи приливовъ, непостоянствѣ вѣтровъ и бурливости. Наибольшая глубина моря достигаетъ 35 сажень, и это у западнаго скалистаго берега; въ срединѣ же площади она равна лишь 15 саженимъ, а у восточнаго и южнаго береговъ постепенно переходитъ къ футамъ и дюймамъ, такъ что тутъ на многія версты можно уходить по морю въ бродъ и даже совсѣмъ остаться на сушѣ, если подуетъ довольно сильный вѣтеръ съ востока или съ юга. Судя по рассказамъ старыхъ киргизовъ, по показаніямъ нѣкоторыхъ путешественниковъ, по обнаженію изъ воды мелей, обращающихся въ острова, по прибрежнымъ утесамъ, подмытымъ волнами на высотѣ, до которой теперешнія волны не достигаютъ, и по береговымъ насыпямъ галекъ и песка, должно думать, что Аральское Море постепенно мелѣетъ, т. е. высыхаетъ отъ перевѣса испаренія надъ притокомъ воды изъ рѣкъ и изъ атмосферы. Однако, несмотря на замкнутость и сильное испареніе, оно доселѣ сохранило воду значительно менѣе соленую, чѣмъ въ океанѣ, такъ что животныя, напримѣръ верблюды и лошади, ее пьютъ. Островъ Кугъ-араль отдѣляетъ въ немъ сѣверную часть, иногда называемую малымъ моремъ и состоящую изъ заливовъ *Сары-чаганска*, *Перовскаго* и *Наскешина*. Здѣсь, именно въ заливѣ Перовскомъ, находится лучшая гавань сѣвернаго берега, *Чубаръ-торауза*, гдѣ на морскомъ берегу есть нѣсколько прѣсной воды, хотя окрестность пустыня и большею частью песчана. Въ большомъ морѣ, т. е. на югѣ отъ Кугъ-арала, можно замѣтить заливы *Туче-басъ*, *Кумъ-суатъ*, *Сандиль*, *Бика-тау*, *Туче-басъ*, *Иске-куръ-уюкъ* и наконецъ *Талдыкъ*. По изъ нихъ только Туче-басъ годенъ для устройства гавани, имѣя достаточную глубину, закрытость и, главное, въ изобиліи прѣсную воду изъ впадающей въ него Джанъ-дарьи; остальные же мелки. Впрочемъ, кроме Туче-баса и названнаго выше Чубаръ-торауза, есть на Аралѣ пристань, довольно удобная для судовъ: это именно у юго-

восточной стороны полуострова *Куландовъ*, въ сѣверной части моря; но она едва-ли когда будетъ имѣть значеніе. То же можно сказать и про двѣ бухты, лежащія на островѣ *Николай*, одномъ изъ такъ называемыхъ *Царскихъ*, котораго пустынная природа не позволяетъ надѣяться, чтобы здѣсь когда-либо возникла людская осѣдлость. Относительно прочихъ острововъ той же группы, а равно про Барен-Кильмась, Токмакъ-ата и про множество мелкихъ острововъ вдоль юго-восточнаго берега между Сыръ и Аму-дарьей можно лишь замѣтить, что они не только не обезпечиваютъ пристанища для судовъ и не облегчаютъ ихъ плаванія по Аралу, но, напротивъ, затрудняютъ плаваніе, представляя у береговъ отмели; и если три изъ нихъ, Токмакъ-ата, Косъ-аралъ и Ермолова, заслуживаютъ нѣкотораго вниманія, то не въ морскомъ, а въ промышленномъ смыслѣ, какъ пункты для устройства рыбнаго лова на соседнихъ водахъ, т. е. вблизи устьй Сыръ и Аму-дарьи. Распространенію господствующихъ въ Аральскомъ Морѣ, и иногда начинающихъ дуть внезапно и съ большою силою, сѣверныхъ вѣтровъ они не могутъ препятствовать уже по самой низменности своей.

Еще недавно Арахъ соединялся на югъ съ обширнымъ озеромъ или заливомъ, *Айбугиромъ*, который ограничиваетъ дельту Аму-дарьи съ запада; но въ послѣднее время сдѣлалось извѣстнымъ, что озеро это отдѣлилось, т. е. проливъ у мыса Ургу-мурунъ, гдѣ прежде былъ перевозъ на плотахъ и лодкахъ, обсохъ и даже обращенъ въ воздѣланные поля. Нѣтъ сомнѣнія, что послѣ этого и самое озеро Айбугиръ начнетъ медленно усыхать, особенно если возрастаніе многоводности восточныхъ рукавовъ Окса на счетъ западныхъ будетъ продолжаться. Айбугирское озеро, впрочемъ, уже издавна заросло камышемъ, и чистая водная поверхность на немъ весьма неограничена. Камышъ образуетъ такъ называемыя *кряни*, т. е. мѣста, гдѣ нѣтъ прохода ни сухопутно, ни въ лодкахъ, безъ особенныхъ усилій. Окрестности Айбугира уже описаны выше, и здѣсь остается лишь упомянуть, что, въ средней его части, прилегающей съ запада чинъ нѣсколько отходить отъ берега и въ то же время становится отлогимъ и низкимъ. Но это лишь въ одной мѣстности между спусками Кара-Умбетъ и Каска-Джунъ: далѣе къ югу, у Акъ-чеганака, опять снова высокъ и крутъ.

Естественная производительность.

Такова поверхность Аральскаго пограничнаго пространства. Если мы теперь перейдемъ къ обзору его производительности, то прежде всего должны будемъ сказать, что она, вслѣдствіе крайней сухости кли-

мата, почти совершенно ничтожна. Исключеніе составляетъ Хивинскій оазисъ и могутъ составить нѣкоторые изъ прибрежій Яксарты. Все же остальное пространство съ даннаго времени есть почти голая степь и такую, вѣроятно, останется навсегда, ибо на увеличеніе влажности воздуха въ Средней Азій нѣтъ надежды. Его производительность въ общемъ итогѣ, т. е. на всей поверхности 12,000 квадратныхъ миль, можно приравнять производительности 110—120 квадратныхъ миль въ Европейской Россіи и, быть можетъ, не болѣе 25—30 квадратныхъ миль въ Индіи. Впрочемъ, и тутъ есть своего рода послѣдовательность. Наиболѣе безотрадная, почти ничего не производящая степи суть Эмбенская, по лѣвому берегу этой рѣки, Усть-Уртъ и потомъ равнины по обѣимъ сторонамъ Сыръ-дарьи, отъ Иргиза до Окса, тамъ, гдѣ почва ихъ солонцовая. Единственную и притомъ крайне рѣдную растительность въ этихъ мѣстахъ составляютъ колючка, полынь, лебеда, дровяникъ, верблюжья трава и нѣсколько видовъ солянки. Пески на сѣверѣ и востокѣ отъ Аральскаго Моря имѣютъ уже менѣе печальную, хотя бѣдную видами флору, ибо на нихъ попадаетъ саксаулъ, особенно вдоль Сыръ-дарьи, гдѣ впрочемъ сильно истребленъ на топливо, кара-джузгунъ, острецъ и колючая трава. Тамъ, гдѣ песчаная, иловатая или глинистая, но не солонцовая степь подходитъ къ руслу рѣки или ихъ рукавовъ, тамъ обыкновенно появляются камыши, которые, какъ уже упомянуто, въ изобиліи растутъ по низовьямъ Аму-дарьи, по Караузюку на Сыръ, по низовьямъ Урала и Эмбы. Камыши же покрываютъ вѣтви по сѣверному берегу Каспійскаго и по юго-восточному Аральскаго Морей, а также почти сплошь Айбугаръ и нѣкоторыя другія озера. Они играютъ важную роль въ экономіи степей, ибо среди ихъ обыкновенно бывають зимнія стоянки киргизовъ; лѣтомъ они служатъ пристанищемъ кабановъ и тигровъ, а, главное, безчисленнаго множества наѣдомыхъ, которыя дѣлаютъ пребываніе тутъ человека и стада невозможнымъ. На низмемъ Уралѣ, съ удаленіемъ отъ дельты его къ сѣверу, камыши смѣняются въ долинѣ рѣки кустарникомъ и частью большими деревьями, главнѣйше ивнякомъ, осокорью, тополемъ, рѣже черемхой, боярышникомъ, шиповникомъ и т. п. Въ общемъ итогѣ, относительно степей можно замѣтить, а) что въ нихъ вовсе нѣтъ строевого дѣла; б) что единственное хорошее древесное топливо есть саксаулъ, встрѣчающійся дажею неездѣ, такъ что, напримѣръ на низовьяхъ Эмбы, въ укрѣпленіи Масче нужно привозить топливо изъ Оренбурга и на одну перевозку затрачивать по 1,500 рублей ежегодно; в) что растительнымъ топливомъ

въ нѣкоторыхъ мѣстахъ служить еще камышъ, который однако даетъ мало жару и долженъ быть притомъ употребляемъ съ расчетомъ, ибо служить кочевникамъ для корма скота и для защиты отъ степныхъ бурановъ; д) что обычное въ степяхъ топливо, сухой скотскій пометъ, во многихъ мѣстностяхъ описанныхъ степей вовсе не находится, такъ какъ онъ для пастбищъ скота негоденъ; е) что травянымъ кормомъ всѣ эти степи чрезвычайно бѣдны, не исключая даже мѣстъ, ближайшихъ къ рѣкамъ и озерамъ, и наконецъ ф) что рѣдкія пашни находятся исключительно вблизи Сыръ и Аму-дарьи и притомъ въ мѣстностяхъ орошенныхъ искусственно, ибо естественное увлажненіе почвы, дождями, почти не имѣетъ мѣста.

Дельта Аму-дарьи, или Хивинскій оазисъ, представляетъ счастливое исключеніе изъ всего Аральскаго пограничнаго пространства. Можно сказать, что это есть среднеазиатскій Египетъ, подобно ему обязанный плодородіемъ разливамъ большой рѣки и труду человѣка. Растительность его совершенно культурная. Ее составляютъ: древесныя породы: абрикосовыя, персиковыя, гранатовыя, фисташковыя и туговыя деревья, сливы, яблони, айва, виноградъ, джиды, вязъ и тополь; травянистыя: пшеница, рисъ, просо, джугара, ячмень, горохъ, чечевица, ленъ, конопля, хлопчатникъ, марена, кунжутъ, табакъ, лукъ, морковь, тыква, арбузы и дыни. Вся эта растительность поддерживается съ большимъ трудолюбіемъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даетъ превосходные плоды или обильную жатву. Такъ, арбузы и дыни хивинскіе славятся во всей Средней Азии. Урожай полевыхъ растений бываетъ: джугары и проса самъ 300, риса самъ 35, чечевицы самъ 20-30, пшеницы самъ 12-14, гороху нѣсколько менше. Хлопчатникъ даетъ съ тапала ($\frac{2}{3}$ десятины) отъ 25 до 30 пудовъ чистой хлопчатой бумаги, впрочемъ хуже бухарской; табакъ — 25 пудовъ, виноградная лоза до 70 пудовъ изюму или кишмишу, любимого среднеазиатскаго лакомства. Впрочемъ, урожай находится въ тѣсной зависимости отъ разливовъ Аму-дарьи, которые иногда бываютъ недостаточны для орошенія всѣхъ полей, а иногда, напротивъ, затопляютъ слишкомъ низкія мѣста и дѣлаютъ ихъ негодными для посѣвовъ. Все искусство хивинскаго земледѣльца и садовода въ томъ и состоитъ, чтобы умѣть регулировать притокъ воды и направлять его во-время на поля. Разливы же случаются три раза въ году. Первый обыкновенно въ февралѣ—незначительный; второй въ іюнь и іюль—самый большой, соответствующій таянію снѣговъ на верховьяхъ Аму-дарьи, и третій въ концѣ августа или въ началѣ сентября отъ дождей въ Памирскомъ нагорьи. Второй разливъ есть

самый важный для Хивы: съ нимъ соотносятся въ большей части полевыхъ работъ; третій имѣетъ значеніе для посѣвовъ пшеницы. Уборка всѣхъ урожаевъ обыкновенно оканчивается въ половинѣ осени, ибо въ ноябрѣ уже начинаются морозы, которые къ концу мѣсяца скосываютъ Аму-дарью до февраля слѣдующаго года. Зима въ Хивѣ малоснѣжная, почва остается почти обнаженной, и потому растенія, которыхъ корни боятся морозовъ, не выдерживаютъ здѣшняго климата, какъ и тѣ, которыя, съ другой стороны, нуждаются во влажномъ, умѣренномъ лѣтѣ.

Фауна при-аральскихъ равнинъ совершенно та же, что при-каспійскихъ и при-балхашскихъ, т. е. гораздо бѣднѣе и видами, и особями, чѣмъ соседнія нагорныя части Средней Азии. Изъ четвероногихъ животныхъ мы встрѣчаемъ здѣсь въ дикомъ видѣ только тигровъ, степныхъ кошекъ, лисицъ, шакаловъ, волковъ, дикихъ козъ, кулановъ, дикихъ ословъ и зайцевъ, а прирученными лошадями, коровами, овцами, ослами и верблюдами—всѣхъ въ количествѣ несравненно меньшемъ, чѣмъ въ гористой части Турана. Лошади здѣшнія раздѣляются на три породы: обыкновенную киргизскую, малорослую и притомъ малосильную отъ безкормицы, туркменскую и смѣшанную. Туркменскіе кони, или аргамакі, составляютъ роскошь мѣстныхъ богатѣй, а помявъ отъ нихъ и отъ киргизскихъ кобылъ суть лучшіе походные кони по своей яркости. Овцы не только въ степяхъ, но и въ Хивинскомъ оазисѣ малочисленны, и притомъ не представляютъ породъ замѣчательныхъ ни по красотѣ шерсти, какъ въ соседнихъ бухарскихъ владѣніяхъ, ни по обилію сала, какъ въ степяхъ болѣе сѣверныхъ, сибирскихъ и оренбургскихъ. Рогатый скотъ также мелокъ и плохъ, да и держится не въ большомъ числѣ, главнымъ образомъ для полевыхъ работъ каракалпаками и другими туземцами, а русскими на Сыръ-дарьѣ въ самомъ ограниченномъ количествѣ, для молока и для мяса. Причиной бѣдности скотоводства служитъ крайняя скудость травъ. Самые верблюды, столь цѣвзыскательные на пшеницу, въ при-аральскихъ степяхъ сравнительно малочисленны, кромѣ, впрочемъ, прибрежья Сыра. Порода ихъ здѣсь одnogорбая и довольно сильная, такъ что грузъ отъ 16 до 18 пудовъ на каждого есть нормальный.

Ни птицы, ни гады въ при-аральскихъ степяхъ не заслуживаютъ особеннаго вниманія, по крайней мѣрѣ въ смыслѣ пользы или вреда человѣку. Изъ домашнихъ птицъ у туземцевъ Хивы есть почти одни куры, у русскихъ, кромѣ того, гуси и утки; изъ дикихъ предметовъ охоты служатъ утки же, фазаны, рябки, дрозды и т. п., для

поймки которыхъ богатые среднеазіяты иногда держутъ беркутовъ. Ящерицы и змѣи очень многочисленны въ степяхъ, особенно глинистыхъ, но всѣ онѣ мелкихъ породъ и, за исключеніемъ двухъ трехъ видовъ (*Von tatarica*, *Vipera berus*) неопасны для человѣка. Также и черепахи, встрѣчаемыя въ Хивинскомъ ханствѣ, не служатъ предметомъ ни промысла, ни преслѣдованія. Напротивъ, рыбы Аральскаго моря и двухъ рѣкъ, въ него впадающихъ, имѣютъ немаловажное значеніе для мѣстнаго населенія, особенно для русскихъ и для каракалпакцевъ по низовьямъ Аму-дарьи, да и для самихъ хивинцевъ. Рыбы эти суть: шипы, стерляди, сазаны, язи, въ Эмбѣ даже по временамъ осетры, заходящіе сюда въ половодье изъ Каспійскаго моря. Не говоря объ уральскомъ рыболовствѣ, котораго производители не принадлежатъ къ составу населенія описываемаго пространства, замѣтимъ, что и на аральскихъ водахъ рыбная ловля довольно обширна и могла бы быть еще значительнѣе, если бы за дѣло это взялись люди зажиточные, при помощи хорошихъ рыболовныхъ артелей. Что касается до мелкой рыбы, шукъ, лещей, обанъ, лзей, окуней, головлей, то онѣ водятся почти во всѣхъ водахъ степи, несмотря на то, что эти воды часто, какъ напримѣръ въ рѣкѣ Иргизѣ, солоноватыя. Но заготовленіе рыбы въ прокъ мало развито въ иѣломъ краѣ и вывозъ ея вдалѣ отъ мѣстъ улова весьма незначителенъ. Раки, очень многочисленные въ низовьяхъ Аму-дарьи, также остаются исключительно для мѣстнаго потребленія.

Сухія части степей, особенно глинистыхъ, обильны фалангами, скорпионами и тарантулами; долины рѣкъ и озеръ, поросшія камышами, содержатъ въ себѣ огромное число насѣкомыхъ, преимущественно комаровъ и слѣпней. Сарапча и кобылка нерѣдко появляются въ большомъ количествѣ и быстро уничтожаютъ посѣвы и зелень. Шелководный червь, разводимый въ южныхъ частяхъ Хивинскаго ханства, дѣятельностью своею далеко не вознаграждаетъ вреда, причиняемаго другими насѣкомыми.

Минеральныя богатства всего при-аральскаго пограничнаго пространства совершенно ничтожны. Каменнаго угля, столь необходимаго для замѣны недостающаго дровяного топлива, доселѣ не найдено, и для пароходовъ аральской флотиліи приходилось доставлять допской антрацитъ, по цѣнѣ до 2 руб. с. пудъ, пока наконецъ не отыскали угля въ гористыхъ частяхъ Сыръ-дарьинской области, на правомъ берегу Сыра. Рудъ никакихъ неизвѣстно ни въ степи, ни въ хивинскомъ оазисѣ, хотя горы Шейкъ-джеди, быть можетъ, содержатъ ихъ. Доселѣ въ горахъ этихъ найдены только мраморовидный не-

вестнякъ, но онъ мало употребляется въ дѣло, хотя могъ бы давать по крайней мѣрѣ известку, въ которой встрѣчается недостатокъ по городамъ и селеніямъ на Яксартѣ и Оксѣ.

Такая бѣдность во всемъ, что нужно для жизни, есть отличительная черта при-аральскихъ равнинъ. Она-то, главнымъ образомъ, имѣлась въ виду при опредѣленіи границъ страны, подлежащей описанію; ибо степи, на сѣверъ отъ разсмотрѣнныхъ, какъ ни пустыны, все же гораздо богаче ихъ и могутъ быть принимаемы за иѣчто отъ нихъ постороннее. Ихъ взаимное отношеніе ближе всего опредѣлится словами: «театръ дѣйствій» и «базисъ», причемъ отличительнымъ свойствомъ перваго будетъ необходимость заготовить все нужное для войскъ на второмъ и потомъ возить при себѣ въ обозѣ. При такихъ качествахъ при-аральскаго театра войны, понятно, получаютъ особенную важность тѣ пути, по которымъ, подею-неволею, приходится двигать войска, а потому мы и остановимся на вопросѣ объ этихъ путяхъ.

Способъ сообщеній

Сообщенія различныхъ частей края между собою и съ сосѣдними частями Средней Азіи поддерживаются: обычною у кочевниковъ верховою ѣздою по всѣмъ направленіямъ, причемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напримѣръ при распространеніи любопытныхъ новостей, киргизы дѣлаютъ по 120 и болѣе верстъ въ день; вьючными транспортами или караванами изъ верблюдовъ и частію ословъ во всѣхъ степяхъ, со скоростью отъ 25 до 40 верстъ въ день, и также по всевозможнымъ направленіямъ, среди которыхъ, однако, обозначились нѣкоторые болѣе торные пути, особенно при спускахъ съ Усть-Урта на низменность; упряжной ѣздой, на колесахъ, по почтовому тракту изъ Оренбурга въ Ташкентъ и частію по хивинскимъ владѣніямъ, и наконецъ судоплаваніемъ по Сыръ и Аму-дарьѣ и по Аральскому морю, причемъ въ русскихъ владѣніяхъ для этого служатъ пароходы и баржи, а въ хивинскихъ плоскодонныя лодки.

Сухопутныя караванныя и телѣжныя дороги заслуживаютъ вниманія прежде другихъ, такъ какъ по нимъ совершается торговое движеніе между Хивой и Европейскою Россіей и по нимъ же, конечно, въ случаѣ необходимости, могутъ быть направлены войска. Но какъ степи, въ строгомъ смыслѣ, проходимы повсюду, кромѣ мѣстъ покрытыхъ солончаными грязями и подъемовъ на чинкъ, то подъ именемъ дорогъ въ настоящемъ описаніи будутъ разумѣться одни направленія отъ урочища къ урочищу, а не опредѣленныя полосы земли или дорожное полотно. Въ степи движенія большихъ транспортовъ

и дѣлаются не иначе, какъ въ нѣсколько рядовъ, идущихъ по одному направленію, и это-то направленіе есть караванная дорога. Буквальный же смыслъ послѣдняго слова примѣнимъ лишь къ путямъ, проходящимъ по дефиле, но ихъ на аральскомъ пограничномъ пространствѣ встрѣчается очень немного. *Направленія*, заслуживающія особеннаго вниманія въ военномъ отношеніи, суть слѣдующія:

Отъ станицы Сарайчиковой, т. е. съ нижняго Урала, въ *Хиву*, болѣе 1,000 верстъ. Это самый древній изъ всѣхъ извѣстныхъ русскимъ путей въ Хиву, путь, по которому шли не только Бекевичъ-Черкасскій въ 1717 году, но еще атаманъ Нечай въ XVII вѣкѣ. Онъ направляется отъ Сарайчикова на низовья Сагиза (около 100 верстъ), оттуда на нижнюю Эмбу и на чинкъ у мыса Мышь-су-алмазъ, потомъ діагонально по Усть-Урту къ урочищу Кушъ-буланъ, сѣвернѣ Барса-кильмаса, гдѣ раздвоится. Одна вѣтвь ведетъ восточнѣ Барса-кильмаса къ мысу Ургу-муруну на берегу Аральскаго моря и оттуда въ Кунградъ; другое направленіе западнѣ Барса-кильмаса къ заливу Акъ-Чеганакъ и оттуда черезъ Куни-Ургенчъ въ Хиву. Послѣднее направленіе прослѣжено въ 1841 году Никифоровымъ, при возвращеніи его изъ Хивы; сѣверная же половина сарайчиковской дороги была, кромѣ того, осмотрѣна въ 1826 году полковникомъ Бергомъ, который тутъ потерялъ болѣе 1,000 лошадей, и притомъ никакихъ точныхъ свѣдѣній о пути не могъ дать, потому что прошелъ его въ зимнее время, когда степь представляла однообразную снѣжную равнину. Нынѣ мы знаемъ, что эта дорога весьма неудобна по безводью на Усть-Уртѣ, безплодью его и при-эмбенской степи, а наконецъ по обилію грязей на низовьяхъ Сагиза. Караваны по ней давно не ходятъ, да и вообще движенія мало. На ней-то, или даже въ сторонѣ отъ нея, возникло въ 1871 году Нижне-Эмбенское укрѣпленіе, всего въ 190 верстахъ отъ Сарайчиковой и не менѣе какъ въ 650 верстахъ отъ хивинскихъ предѣловъ. Отъ Оренбурга, чрезъ укрѣпленіе Уильское, Нижнюю Эмбу и подъемъ Мышь-су-алмазъ до Хивы не менѣе 1,450 верстъ, изъ которыхъ только на первыхъ 250 верстахъ есть сносімыя кормы, вода и топливо.

2) *Изъ Оренбурга въ Хиву* черезъ верхнюю Эмбу. Дорога эта идетъ сначала вверхъ по Уралу и Бердикъ, потомъ переходитъ въ долину Илека, по которой и тянется до укрѣпленія Акъ-Тюбинскаго, въ 220 верстахъ отъ Оренбурга. Здѣсь она обильна водой и нормами, что продолжается еще верстъ на 80, до перевала изъ бассейна Илека на рѣку Темиръ, притокъ Эмбы. Но со вступленіемъ въ при-

эмбенскую степь обстоятельства измѣняются, особенно же послѣ перехода чрезъ Эмбу, на 452 версты отъ Оренбурга, у бывшаго Эмбенскаго укрѣпленія, построеннаго въ 1839 году для облегченія хивинскаго похода. Отсюда подробныя маршруты безпрестанно показываютъ: «корму очень мало», «воды въ колодцахъ немного», «корму нѣтъ вовсе» и т. д. Подъемъ на Усть-Уртѣ и самое приближеніе къ Аральскому морю не улучшаютъ свойствъ пути, дѣлающагося очень труднымъ для значительныхъ каравановъ, которые поэтому иногда слѣдуютъ гораздо западнѣе, именно черезъ пески Самъ, для чего и поворачиваютъ отъ рѣки Темира на юго-западъ и вступаютъ на Усть-Уртѣ по оврагу Тше-айрыкъ. Дорога же прямо на югъ отъ бывшаго Эмбенскаго укрѣпленія идетъ или вдоль оврага Асю-Тасты, или еще восточнѣе, по широкому подъему Джитау. Отъ урочища Актыкенды, въ 832 верстахъ отъ Оренбурга, дорога вступаетъ на гребень чинка, ссѣдлаго Аральскому морю; здѣсь обыкновенно водопой лежатъ на обрывѣ чинка и скотъ для поиза спогается внизъ. Такъ путешественники достигаютъ до Айбугира (1064 версты) и отсюда слѣдуютъ либо черезъ Кунградъ, либо чрезъ Куни-Ургенчъ, т. е. поперекъ или въ обходъ Айбугирскаго озера. По послѣднему направленію, болѣе короткому, отъ Хивы до Оренбурга 1,395 верстъ.

3) *Отъ Орски до Казалинска*, черезъ Карабутакъ и Иргизъ, по почтовой дорогѣ, 739 верстъ. Дорога эта бѣдитъ кормами, чѣмъ дежація болѣе къ западу, но представляетъ кратчайшее разстояніе между русскими осѣдлостями на Уралѣ и Сыръ-дарьѣ. Притомъ она проходитъ чрезъ два укрѣпленія, которыя до извѣстной степени могутъ служить атаманами для войскъ, если не для транспортовъ; послѣдніе не найдутъ тутъ заносовъ корма скоту. Къ сожалѣнію, въ предѣлахъ Тургайской Области, почтовый трактъ этотъ доселѣ не имѣетъ породоочныхъ станцій, съ навѣсами, гдѣ бы можно было укрываться отъ мятелей и отогреваться зимою. Въ южной же части, т. е. въ предѣлахъ Туркестанскаго края, станціи устроены породоочно, и отъ того путешествіе здѣсь не такъ утомительно, несмотря на то, что дорога все время идетъ по пескамъ Каракумъ.

4) Дороги *отъ Казалинска въ Хиву*, по восточную сторону Аральскаго моря, служатъ какъ бы продолженіемъ предыдущей и проходятъ болѣею частью песками. Ихъ нѣсколько; лучше другихъ извѣстны пути Муравина въ 1741 году, Никифорова въ 1841 и Мейера въ 1861 году. Всѣ они представляютъ то важное преимущество передъ дорогами по западной сторонѣ Арала, что по нимъ отъ нашихъ осѣдлостей до Хивы разстоянія на нѣсколько сотъ верстъ

меньше, и кроме того кормъ, вода и топливо есть почти повсюду, хотя и въ столь малыхъ количествахъ, что движеніе большихъ отрядовъ, даже эшелонами, весьма неудобно. Ближайшія къ морю дороги суть Копъ-джоль и Кизекъ-джоль, извѣстныя впрочемъ лишь по картѣ Мейера; затѣмъ слѣдуетъ путь Муравина, чрезъ Джанкентъ, Китай и Гурленъ до Хивы—723 версты, и наконецъ путь Никифорова, ведущій къ Хивѣ чрезъ Кипчакъ и имѣющій длины до 770 верстъ. Трудность прохода въ Хивинскій оазисъ по всѣмъ этимъ путямъ заставила въ послѣдніе годы обратить вниманіе на дорогу вдоль Яны дары. Эта дорога

5) *отъ Перовска чрезъ Иркибай* изслѣдована при неоднократныхъ движеніяхъ нашихъ отрядовъ въ 1868—1870 годахъ, но оказалась немногимъ лучше всѣхъ предыдущихъ. Конечно, она обеспечиваетъ для вдушихъ по ней воду изъ Джаны-дары; но какъ неудобно слѣдить за всѣми изгибами послѣдней и берега ея нерѣдко совершенно безплодны, то даже въ части отъ Перовска до озера Кучка-тегисъ путь этотъ мало пригоденъ для большихъ отрядовъ и каравановъ. Далѣе же отъ Кучка-тегиса къ Дау-каръ путь совершенно степной и притомъ мало изслѣдованный. Приблизительно отъ Перовска до Хивы, чрезъ Иркибай и Дау-хару, 750 верстъ.

6) *Всѣ дороги отъ Хивинскій оазисъ отъ среднихъ частей Сыръ-дары*, между Перовскомъ и Ходжентомъ, изображенныя въ послѣднее время на рукописной распросной картѣ г. Терентьева, представляются крайне неудобными для движенія каравановъ и войскъ, по скудости воды и кормовъ. Сами киргизы кочуютъ здѣсь только малыми и рѣдкими аулами. Вслѣдствіе этого, въ послѣднее время была сдѣлана попытка пройти чрезъ Кызылъ-кумы отъ Джизака на западъ и сѣверо-западъ, мимо Буканскихъ горъ, которыя, можно предполагать, имѣютъ связь съ горами Шейхъ-Джели на правомъ берегу Окса. Но и этотъ путь оказался безплоднымъ, хотя, разумѣется, проходимымъ для небольшихъ частей кавалеріи. Онъ, впрочемъ, изслѣдованъ лишь отъ Джизака до Миць-булака, т. е. въ части степи, болѣе близкой къ Бухарѣ, чѣмъ къ Хивѣ. О пути изъ Самаркандскаго округа въ Хиву чрезъ пески Бетнакъ-кумъ можно сказать, что онъ почти совершенно безводенъ; даже колодцы встрѣчаются едва чрезъ 3—4 перехода. Наболѣе удобная дорога ведетъ чрезъ Бухару и Каракуль къ Чарджую или Устыку, на Аму-дарьѣ, и потомъ по этой рѣкѣ; но очевидно, что это путь недоступный для насъ, пока признается политическая независимость Бухарскаго ханства. Притомъ и здѣсь нужно имѣть въ виду, что изъ 800-верстнаго раз-

стояніи отъ Самарканда до Хивы около 500 приходится на степи, да еще занятые туркменами, т. е. самыми беспокойными въ Средней Азійи хищниками.

Таковы сухопутныя сообщенія южныхъ окраинъ нашихъ среднеазіатскихъ владѣній съ Хивой. Разсмотрѣніе ихъ несомнѣнно доказываетъ, что ничтожное само по себѣ Хивинское ханство можетъ почти безнаказанно вредить намъ высылкою и поддержкою хищниковъ въ наши предѣлы, захватомъ въ плѣнъ людей, грабежомъ каравановъ и пр., что оно и дѣлаетъ съ давняго времени. Эта трудность доступности Хивы, какъ уже было замѣчено, составляетъ ея действительную силу. Чтобы не бороться съ ней напрасно, при самомъ утвержденіи нашемъ на Сыръ-дарьѣ въ 1847—1853 годахъ, было предложено воспользоваться Аральскимъ Моремъ для устройства водныхъ сообщеній, которыя гораздо удобнѣе сухопутныхъ и могутъ, при нуждѣ, въ самый короткій срокъ дать возможность сдѣлать высадку нашихъ войскъ въ дельтѣ Аму-дары. Это, до извѣстной степени, и возможно въ настоящее время; но слѣдующіе факты показываютъ, что водной путь также имѣетъ свои недостатки.

Сѣверный берегъ Аральскаго Моря, какъ уже сказано, совершенно пустыненъ; слѣдовательно, онъ никакъ не можетъ служить базой для нашихъ дѣйствій. За исключеніемъ Чубаръ-торауза онъ не имѣетъ даже ни одной гавани, гдѣ бы можно было собрать войска, запасы и перевозочную флотилію. Поэтому нужно принять за базу для дѣйствій съ моря рѣку Сыръ-дарью, точнѣе городъ Казалинскъ, лежащій на низовьяхъ ея. Но Казалинскъ отдаленъ на 740 верстъ отъ береговъ Урала и на 920 верстъ отъ Ташкента, двухъ мѣстностей, гдѣ только и могутъ дѣлаться нужныя заготовки. Предполагая даже, что возможныя тутъ затрудненія отъ перевозки тяжестей, топлива для пароходовъ и пр. будутъ преодолены, останется еще оборотъ важныя препятствія, поставляемыя природою: бары или мели въ устьяхъ Сыръ и Аму-дары. Для такого дѣла потребуются много малыхъ, частію плоскодонныхъ, судовъ, которыхъ заготовленіе нелегко (*) и которыя, однако, негодны въ открытое море. Затѣмъ, когда будетъ сдѣлана высадка на южный берегъ Аральскаго Моря, встрѣтится новая надобность совершенно иного рода—надобность въ сухопутныхъ перевозочныхъ средствахъ, лошадяхъ и верблюдахъ, безъ которыхъ нельзя идти внутрь страны. Нѣтъ сомнѣнія, что мѣстные жители,

(*) За недостаткомъ здесь на Сыръ-дарьѣ, всѣ деревянныя вещи доставляются туда издалека, нерѣдко на вьюкахъ; всѣ желѣзныя исключительно на вьюкахъ же изъ Оренбурга, съ платомъ за путь изъ Оренбурга отъ 1 р. 20 в. до 1 р. 70 в.

даже каракалпаки, несомнѣннѣ дружелюбны къ хивинцамъ, отгонять этотъ скотъ отъ морскихъ береговъ, и тогда возникнуть для экспедиціи немалыя заботы. Предположить же высадку прямо внутри страны, напримѣръ у Куинграда, куда достигали наши суда въ 1859 г., трудно уже потому, что такая высадка возможна лишь въ половодье, съ прекращеніемъ котораго водное сообщеніе отряда съ базой прекратится совсѣмъ.

И однако морской путь и дорога черезъ Бухару и Устыкъ суть единственныя направленія, которыя могутъ быть названы годными для военныхъ предпріятій противъ Хивы. Последнее изъ этихъ направлений представляетъ еще ту выгоду, что одно занятіе среднихъ частей Аму совершенно уединитъ Хиву и лишитъ ее подвоза пужныхъ военныхъ средствъ съ верховій этой рѣки. Поэтому весьма вероятно, что, въ случаѣ вооруженнаго столкновенія съ Хивою, намъ придется употребить оба названные пути, а также сдѣлать диверсію со стороны Каспійскаго Моря.

Населеніе.

При предположеніи военныхъ дѣйствій съ Хивою и при оцѣнкѣ ведущихъ въ нее путей, главнымъ образомъ съ стратегической точки зрѣнія, естественно возникаетъ вопросъ: почему эта точка зрѣнія есть важнѣйшая и даже какъ бы единственная, заслуживающая вниманія? Отъ чего, напримѣръ, невозможно *мирное* вліяніе на Хиву, посредствомъ установленія большихъ торговыхъ сношеній съ нею, что успокоило бы наши при-аральскія окраины столь же хорошо, какъ и самое завоеваніе ханства, избавивъ, въ то же время, отъ трудностей и издержекъ войны и военного занятія края? Отвѣтомъ на послѣдній изъ этихъ вопросовъ можетъ служить тотъ фактъ, что Хива есть страна варварская, съ которою всякое миролюбивое сближеніе доселѣ не удавалось, и что притомъ она экономически неразвита, даже бѣдна, такъ что большихъ торговыхъ связей съ нею установить нельзя. Что же касается до перваго вопроса, т. е. до политической необходимости нашихъ столкновеній съ Хивою, то рѣшеніе его съ совершенною ясностью вытекаетъ изъ слѣдующаго разбора состава, быта и политическихъ отношеній мѣстнаго населенія на всемъ при-аральскомъ пограничномъ пространствѣ.

1) Господствующее, по числу и по обширности занятыхъ земель, племя есть *киргизы*. Они кочуютъ на западѣ, сѣверѣ и востокѣ отъ Аральскаго Моря и иногда подходятъ къ южнымъ его частямъ. Но далеко не все киргизы держатся постоянно въ предѣлахъ описываемаго пространства, а, напротивъ, уходятъ изъ него каждое лѣто, преиму-

шественно на сѣверъ, въ предѣлы оренбургскихъ степей, отчасти же на востокъ, въ Каратаускія горы. На Сыръ-дарьѣ и ея рукавахъ въ это время остаются лишь очень немногіе бѣдняки, *екинчи*, для обработки полей; пески же Кызылъ-кумъ и Кара-кумъ, при-амбоская степь и Усть-Уртъ почти совершенно пустуютъ, такъ какъ отъ солнца трава выгораетъ на нихъ еще въ маѣ, колодцы становятся очень бѣдны водою, а поблизи озеръ и рѣкъ пребываніе дѣлается мучительнымъ отъ множества наѣдомыхъ.

Киргизы при-аральскаго пространства вообще бѣднѣе прочихъ своихъ одноплеменниковъ, и потому больше ихъ склонны къ хищничеству. Сосѣдство Хивы, которая имѣетъ расчетъ поддерживать въ нихъ эту склонность, дѣлаетъ ихъ еще болѣе безпокойными, а слабость русской колонизаціи въ край не позволяетъ надѣяться на скорое окончательное успокоеніе кочевниковъ.

Въ политическомъ отношеніи, масса киргизскаго населенія распадается на три части: подданныхъ Россіи, Бухары и Хивы. Огромное большинство, конечно, принадлежитъ къ первой категоріи; но еще немалое число остается и за среднеазиатскими ханствами. Точнаго указанія, какіе именно приграничные роды и подроды подчинены какому государству, сдѣлать нельзя, какъ нельзя обозначить и границъ самихъ государствъ; а потому остается перечислить, по крайней мѣрѣ, тѣ роды и волости, которые официально признаются нашими подданными и вносятъ нѣкоторую подать въ нашу казну. Киргизы эти принадлежатъ къ Мангышлакскому приставству, уѣздамъ Гурьевскому, Амбоскому, Иргизскому, Казалинскому, Перовскому, Туркестанскому, Чимкентскому и Ходжентскому.

Киргизы *Мангышлакскаго приставства*, по преимуществу адаевцы, состоятъ въ вѣдѣніи проживающаго въ форѣ Александровскомъ приставѣ изъ русскихъ офицеровъ и пайба изъ мусульманскихъ уроченцевъ Байказа, съ тремя помощниками. Такимъ образомъ, эта часть степнаго населенія у насъ одна изъята изъ-подъ дѣйствія общаго степнаго положенія, въ силу котораго киргизы раздѣляются на волости и сами избираютъ своихъ старшинъ, аульныхъ и волостныхъ, подвѣдомственныхъ прямо русскимъ чиновникамъ. Составъ участковъ, управляемыхъ помощниками пайба, слѣдующій:

Первый участокъ: отдѣленія Банибетово, Джимилеево, Джаваиево и Туркменъ—Адаево; подъ-отдѣленія Били, Тешей и Джамагъ-Адай.

Второй: отдѣленіе Тобушено, подъ-отдѣленія Аль-Мамбетъ, Бегей и Чегемъ, родъ Бершовъ.

Третій—верхне-адаевцы отдѣлений Кыръ-Мултукова, Ахпазова, Беликчиева, Купанъ-Урусова и Туркменъ-Адаева (Байбулъ).

Число киргизовъ, подвѣдомственныхъ мангышлакскому начальству, простирается до 7,203 кибитокъ (*), т. е. до 36,000 душъ; но еще въ 1869 году оно превышало 9,000 кибитокъ или 45,000 душъ. Разница произошла отъ перехода нѣкоторыхъ волостей въ хивинскіе предѣлы вѣдѣ за возстаніемъ, которое было слѣдствіемъ недовольно осторожнаго введенія у адаевцевъ степного положенія. Донныя мангышлакскіе киргизы, особенно кочующіе на Усть-Уртѣ, сохраняютъ много связей съ Хивою, и потому по временамъ принимаютъ участіе въ мелкихъ хищничествахъ къ сторонѣ орско-казахискаго тракта, вызывая тѣмъ съ нашей стороны высылку отрядовъ къ сѣверной окраинѣ Усть-Урта и въ пески Барсуки. Съ 1869 года, впрочемъ, они, наравнѣ съ другими степными обитателями, платятъ по 3 руб. 50 коп. съ юрты, и притомъ безъ цедомокъ. До половины лѣта 1872 года не было слышно и о ихъ шалостяхъ, но потомъ, подстрекаемые Хивою, они позволили себѣ нѣкоторые безпорядки.

Киргизы *оренбургскаго вѣдомства*, т. е. уѣздовъ Гурьевскаго, Эмбенскаго и Иргизскаго, принадлежатъ все къ такъ называемой Малой Ордѣ, именно къ родамъ Адаевскому, Дюрткаринскому, Китинскому, Табынскому, Таазарскому, Таминскому, Теликову, Унжаевскому, Чернесскому, Чимлинскому, Чумкейскому и Чумичли Табынскому. Все они, числомъ до 200,000, организованы въ волости и управляютъ на основаніи степного положенія 1869 года. Но пребываніе ихъ въ описываемомъ пространствѣ очень непостоянно, и можно даже сказать, что для большинства ихъ оно служитъ лишь переходнымъ во время осеннихъ и весеннихъ переночекъ. Киргизы, напримѣръ, Иргизскаго уѣзда, больше привязаны къ берегамъ Тобола и Сыръ-дарьи, чѣмъ къ территоріи этого уѣзда. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что у оренбургскихъ киргизовъ есть два главныхъ направленія для перекочевокъ: въ Уральской Области каждую весну отъ береговъ Каспійскаго Моря внутрь страны, т. е. на сѣверо-востокъ, а въ Тургайской отъ Сыръ-дарьи на Тоболъ, т. е. прямо на сѣверъ. Осеннее движеніе идетъ въ обратномъ направленіи, и зимою камыши на берегахъ Каспійскаго и Аральскаго морей, по Сыру и по нѣкоторымъ озерамъ бывають наполнены юртами. Оренбургскіе киргизы, особенно на описываемомъ пространствѣ, вообще менѣе освоились съ русской гражданственностью, чѣмъ, напримѣръ, сибирскіе и даже тур-

(*) Въ 1871 году было даже меньше, потому что часть адаевцевъ ушла въ хивинскіе предѣлы.

кестанцевъ (семирѣченскіе), а потому поддержаніе между ними порядка требуетъ еще нѣкотораго участія всенной силы, въ видѣ наблюдательныхъ отрядовъ. Впрочемъ, въ послѣднее время это должно разумѣть почти исключительно про помадовъ Уральской Области. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы оренбургскія начальства издавна не держались ложной системы, вмѣсто водворенія въ степи русскихъ колоній держать тамъ подвижныя военныя отряды, которые относились къ киргизамъ слишкомъ по-казачьи, то всякая забота объ «умиротвореніи» кочевниковъ была бы теперь совершенно излишнею.

Киргизы *сыръ-дарьинскіе* еще очень недавно находились въ русскомъ подданствѣ, но уже во многомъ успѣли освоиться съ порядками введенными нами. Этому, конечно, много способствовала ихъ давнишняя близость къ осѣдлостямъ по Сыръ-дарьѣ и еще болѣе собственная привычка къ земледѣлію, безъ котораго они не могутъ жить. Конечно, воздѣлываніе полей, ихъ орошеніе, уборка хлѣба и прочее лежитъ на одномъ бѣднѣйшемъ класѣ народа, египтячъ; но такое экономическое и даже фізіологическое значеніе земледѣлія, что сыръ-дарьинскіе киргизы теперь гораздо способнѣе къ дальнѣйшему развитію, чѣмъ соседніе оренбургскіе. Пашни по Сыру, Куванъ-дарьѣ и Яны-дарьѣ расширяются съ каждымъ годомъ, и если откажутся отъ судоходства по Яксарту, то, безъ сомнѣнія, дельта его скоро обратится въ такой же большой плодородный оазисъ, какъ дельта Аму-дарьи. Киргизы здѣсь знакомы даже съ подоподъемными машинами, которыя бывають особенно нужны въ тѣхъ случаяхъ, когда почва полей лежитъ выше уровня самыхъ большихъ рѣчныхъ водъ, потребныхъ для орошенія. Въ двухъ только уѣздахъ, Перовскомъ и Казалинскомъ, ими засѣяно было въ 1870 году болѣе 7,500 четвертей разнаго хлѣба, что дало до 75,000 четвертей урожая, а быть можетъ и больше. Въ связи съ успѣхами земледѣлія находится и развитіе скотоводства, которое особенно обширно въ уѣздахъ Перовскомъ и Казалинскомъ, гдѣ, вѣроятно, найдется до 100,000 верблюдовъ, до 200,000 лошадей и до 2,000,000 овецъ (*). Киргизы, кочующіе въ предѣлахъ этихъ двухъ уѣздовъ, а равно и за-дарьинскихъ частей, Туркестанскаго и Чимкентскаго, все почти организованы въ волости, числомъ 25; но эта организація еще не приведена въ окончательный видъ, такъ какъ въ отдаленныхъ частяхъ Ки-

(*) Данныя о скотоводствѣ вообще разнорѣчны и не только въ различныхъ изданіяхъ, напр. въ Статистическомъ Временникѣ и въ Туркестанскомъ Ежегодникѣ, но даже на страницахъ одного и того же издавія, какъ, напримѣръ, Туркестанскаго Ежегодника.

зыль-кумонъ еще есть аулы, не внесенные въ списки. Общую цифру при-дарьинскихъ киргизовъ можно опредѣлить въ 260,000 душъ, не считая населенія праваго берега Сыра въ Туркестанскомъ и Чимкентскомъ уѣздахъ. Но значительная часть этого населенія уключивается дѣломъ на сѣверъ, въ оренбургскія степи. Большое число скота и въ частности перблюдомъ даетъ этимъ киргизамъ возможность заниматься перевозкой и чужихъ тяжестей, т. е. товаровъ, въ Троицкъ и Оренбургъ, а потому они имѣютъ немаловажные заработки, изъ которыхъ и уплачиваютъ казенныя подати.

Сводя теперь изложенныя свѣдѣнія о русскихъ киргизахъ при-аральской окраины, мы видимъ, что число ихъ простирается до 496,000 душъ, разбросанныхъ на огромномъ пространствѣ 16,000 квадратныхъ миль, что даетъ едва по 31 человѣку на квадратную милю, и то не во всякое время года. Такая рѣдкость, такая разбросанность населенія, при пустынности страны, дѣлаетъ очень труднымъ наблюдение за киргизами и вызываетъ, вопреки экономическимъ расчетамъ, содержаніе войскъ тамъ, гдѣ собственно отъ внѣшняго не-пріятеля край вполне безопасенъ.

О киргизахъ бухарскихъ и хивинскихъ сколько-нибудь опредѣлительныхъ свѣдѣній у насъ не имѣется, хотя, конечно, мы знаемъ, что они ведутъ тотъ же образъ жизни, что и наши. По словамъ Килевейна, въ 1858 году, въ подданствѣ Хивы считалось до 10,000 душъ, кочевавшихъ главнымъ образомъ у озера Дау-кары. Но есть еще киргизы, подданные Хивы, и на западѣ отъ Аральскаго Моря.

2) Къ киргизамъ, по происхожденію и образу жизни, примыкаютъ *каракалпаки*, которые кочуютъ по сѣверной части Хивинскаго ханства, близъ Аральскаго Моря, озера Дау-кары, и городовъ Кунграда, Ходжеяи и Килчака. Число ихъ, по Данилевскому, простиралось въ 1843 г. до 8,000 кибитокъ, т. е. 40,000 душъ, по Вамбери въ 1863 до 10,000 кибитокъ = 50,000 душъ, а по Килевейну въ 1859 г. только до 15,000 душъ. Они заняты столько же хлѣбопашествомъ, сколько скотоводствомъ и рыболовствомъ; платятъ зякетъ Хивѣ и обязаны ей же военною службою; раздѣляются на нѣсколько отдѣленій, управляемыхъ каждое особымъ начальникомъ, подъ вѣдѣніемъ хивинскаго кушъ-беги. Составляя остатокъ болѣе многочисленнаго народа, который въ XVII вѣкѣ игралъ немаловажную роль въ туранскихъ степяхъ, они въ настоящее время являются самыми загнанными изъ всѣхъ среднеазіатскихъ номадовъ, и потому не любятъ хивинцевъ, своихъ притѣснителей. Неоднократно они бунтовались; одинъ изъ такихъ бунтовъ былъ въ 1860 году.

3) Болѣе значительную, и даже по временамъ очень важную, роль въ Хивѣ играютъ *туркмены*. Эти номады держатся по степямъ, прилегающимъ къ Хивинскому оазису съ юга, а отчасти и среди самаго оазиса, въ степныхъ полосахъ между каналами. По свидѣтельству Вамбери, позднѣйшему изъ всѣхъ извѣстныхъ, хивинскіе туркмены принадлежатъ къ двумъ главнымъ родамъ: іомудовъ и чоудоровъ. Первые живутъ на пространствѣ отъ Куна Ургенча до Казавата, вторые западнѣе перваго города, по Сокрауку и на Усть-Уртѣ. Данилевскій въ свое время упоминалъ еще о родахъ ерсари, кара-дашы и голенъ, какъ имѣвшихъ своихъ представителей въ предѣлахъ Хивинскаго оазиса; но Вамбери говоритъ, что голеновъ очень мало, а о двухъ другихъ родахъ не упоминаетъ совсѣмъ, вѣроятно потому, что они кочуютъ болѣе въ предѣлахъ Бухарскаго ханства. Впрочемъ, всѣхъ вообще туркменовъ можно считать до извѣстной степени связанными съ Хивою, потому что они сбываютъ туда произведенія своего скотоводства и предметы, награбленные въ Персін, и запасаются тамъ хлѣбомъ.

Взявъ въ расчетъ только тѣхъ туркменовъ, которые живутъ около самаго Хивинскаго оазиса и которыхъ число, разумеется, достигаетъ лишь немногихъ тысячъ, мы получимъ, что все кочевое населеніе описываемаго пространства достигаетъ, максимумъ, 550,000 душъ.

4) Переходя отъ кочевого населенія къ осѣдлому и начиная опять съ сѣвера, мы должны прежде всего сказать о *русскихъ*, которые живутъ на Масше, Эмбешскомъ постѣ, въ гг. Иргизѣ, Казалинскѣ, Усть-Караузякѣ, Перовскѣ и Джулекѣ; наряду съ ними можно еще поставить Тургай, Карабутахъ, Акъ-Тюбинское и Уильское укрѣпленія въ глубинѣ оренбургской степи, близъ описываемой окраины, хотя сѣвернѣе ея. Всѣ названныя здѣсь одиннадцать пунктовъ суть степныя укрѣпленія, служація опорой нашей власти въ степи и потому населенныя преимущественно военными; но два изъ нихъ, именно Казалинскъ и Перовскъ, имѣютъ, кромѣ того, нѣкоторое промышленное значеніе. Общее число русскихъ во всѣхъ одиннадцати пунктахъ не превосходитъ 12,000 душъ; изъ нихъ около половины сосредоточены въ Перовскѣ и Казалинскѣ. Ихъ занятіе—служба, отчасти торговля и гораздо менѣе земледѣліе, которое они предоставляютъ туземцамъ, киргизамъ и тартамъ. Причиной послѣдняго явленія служитъ, съ одной стороны, малая склонность къ промыслу, занимающему собой подчиненныя расы, а съ другой недостаточная опытность въ воздѣлываніи полей при помощи орошенія, и наконецъ, едва ли не главное, отсутствіе права поземельной

собственности, такъ какъ, напримѣръ, въ Перовскѣ ни одинъ еще русскій доселѣ не могъ *de jure* владѣться *владѣльцемъ* хотя бы клочка земли: онъ только *пользуется* ею подъ огороды, сады и строения. Оба главные русскіе населенные пункта лежатъ на Сыръ-дарьѣ, у праваго ея берега, и притомъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ рѣки, ибо, по низменности мѣстъ постройки, пришлось отдѣлать ихъ отъ рѣчного русла плотинами. Различіе Перовска отъ Казашииска состоитъ въ томъ, что первый есть центръ земледѣльческаго округа, а второй—торговая станція. Въ первомъ преобладающее русское населеніе составляютъ служащіе и отставные чины военно-сухопутнаго вѣдомства; во второмъ значительная часть жителей суть моряки, такъ какъ здѣсь находится портъ аральской флотиліи, и казаки, выселенные съ оренбургской линіи. Черезъ Перовскъ караваны направляются изъ-за Сыръ-дарьи въ Троицкѣ, черезъ Казашиискъ въ Оренбургъ. Нѣкоторая часть товаровъ при этомъ остается въ обоихъ городахъ и служитъ для удовлетворенія потребностей мѣстнаго населенія. Такимъ образомъ, холсты, азіатскія бумажныя и шелковыя издѣлія и фрукты покупаются у бухарскихъ купцовъ, а металлическія издѣлія, сукна, кожи, сахаръ, чай, свѣчи и множество разныхъ произведеній нашихъ мануфактуръ—у русскихъ; Независимо отъ бухарскихъ каравановъ, чрезъ оба города проходятъ еще и ташкентскіе, которые съ каждымъ годомъ берутъ перевѣсъ надъ первыми, доставляя изъ Кокана, Ташкента, Ходжента и Самарканда въ Оренбургъ хлопковъ, шелкъ и другія среднеазіатскія произведенія, а обратно въ Ташкентъ везутъ множество русскихъ товаровъ и разныхъ военныхъ тяжести. Такъ какъ таможеннои линіи съ нашей стороны на всей этой окраинѣ нѣтъ, то нельзя привести даже приблизительныхъ цифръ для выраженія производящейся здѣсь торговли; но она немаловажна и имѣетъ самое благотворное вліяніе на судьбу при-дарьинскаго края, не только снабжая его всѣмъ нужнымъ, но еще разливая нѣкоторый достатокъ среди мѣстнаго населенія, занимающагося перевозной. Собственныхъ капиталистовъ, конечно, ни Казашииска, ни Перовска, а тѣмъ болѣе другія степныя укрѣпленія, не имѣютъ; однако нѣсколько приващивовъ большихъ купеческихъ фирмъ живутъ въ двухъ первыхъ городкахъ и занимаются оборотами по закупкѣ скота, кожъ, хлѣба и по продажѣ русскихъ товаровъ. Впрочемъ, главные, по числу, купцы здѣсь, ташкентскіе сарты, поселившіеся со времени занятія Сыръ-дарьинской Области русскими, какъ бы для доказательства, на сколько русская власть возбуждаетъ уваженія и довѣрія въ Средней Азій. Городъ Тургай,

или бывшее Оренбургское укрѣпленіе, представляетъ также небольшое движеніе, но, къ сожалѣнію, лежитъ нѣсколько въ сторонѣ отъ караванной дороги изъ Перовска въ Троицкѣ, почему и возникшее тутъ селеніе казаковъ не отличается цвѣтущимъ состояніемъ. О поселеніяхъ Акъ-тюбинскомъ и Уильскомъ мы не имѣемъ свѣдѣній; что же касается до Иргиза, Карабутака, Эмбенскаго поста и Нижне-эмбенскаго укрѣпленія, то все это осѣдлости весьма незначительныя, не имѣющія никакой будущности. Нижне-эмбенское укрѣпленіе, напримѣръ, не имѣетъ даже воды, за которою надобно ѣздить четыре версты, и гарнизонъ болѣе цыпгой. За то оно, а еще болѣе Кара-бутака, занимаетъ командующія высоты, штурмъ которыхъ, впрочемъ, ожидать весьма трудно.

Вообще нужно замѣтить, что вопросъ о русской колонизаціи, столь удовлетворительно разрѣшенный въ сибирскихъ степяхъ, поставленъ неудачно въ оренбургскихъ, и потому здѣсь базой для нашихъ дѣйствій за рѣкою Ураломъ доселѣ служитъ оренбургско-уральская казачья линія, а не передовыя населенія, которыя сами страдаютъ недостаткомъ всего нужнаго. Между тѣмъ, многія мѣстности по Тургаю, Ори и Хобдѣ могли бы послужить къ основанію цвѣтущихъ деревень или станицъ, которыя приблизили бы коренную Россію къ вновь занятымъ ея частямъ Средней Азій на цѣлыя двѣсти верстъ, и притомъ гораздо лучше всевозможныхъ укрѣпленій содѣйствовали бы окончательному умиротворенію киргизовъ, сосредоточивая ихъ вещественные и нравственные интересы въ лежащихъ среди нихъ русскихъ осѣдлостяхъ. Что же касается до колонизаціи собственно при-аральскаго пограничнаго пространства, то, за исключеніемъ береговъ Сыръ-дарьи, она невозможна. И если бы, въ крайнемъ случаѣ, потребовалось основать русскую осѣдлость, напримѣръ, у Аральскаго Моря, то для этого нельзя указать другого пункта, какъ Чубаръ-тораузы, гдѣ, впрочемъ, жители должны будутъ довольствоваться всѣмъ привознымъ и даже воду получать скорѣе изъ перегонныхъ кубовъ, какъ англичане на островѣ Перимѣ, чѣмъ изъ мѣстныхъ ключей, весьма необильныхъ. На Усть-Уртѣ если когда нибудь можетъ возникнуть русскій населенный пунктъ, то лишь въ пескахъ Самъ; но его положеніе будетъ еще хуже, чѣмъ осѣдлости на Чубаръ-тораузѣ.

5) Въ предѣлахъ Хивинскаго ханства господствующее осѣдлое населеніе составляютъ *узбеки*, народъ тюркской расы, одноплеменный съ обитателями не только сосѣднихъ Бухары и Кокана, но даже отдаленныхъ Кашгара, Яркенда и Хали (*). По свидѣтельству Вамбе-

(*) По Намберу. У Даниленскаго господствующія племена названы сарты, Т. LXXXVIII. Стл. I.

ри, племя это раздѣляется на тридцать два коѣна, и хотя всѣ коѣна перемѣшаны между собою на всемъ пространствѣ занятой узбеками территоріи, тѣмъ не менѣ названія ихъ имѣютъ весьма определенное значеніе, такъ что перѣдно кокандскій узбекъ признаетъ себя принадлежащимъ къ тому коѣну, котораго главная масса жителей въ Хивѣ, и обратно. Собственно хивинскіе узбеки гордятся чистотою своей національности, противопоставляя себя кашгарцамъ и даже бухарцамъ. Впрочемъ, съ перваго взгляда въ хивинскомъ узбекѣ видна примѣсь иранскихъ элементовъ. Такъ, онъ имѣетъ густую бороду, которая формой своей вовсе не похожа на бороды прочихъ туранцевъ, хотя общій очеркъ лица не оставляетъ сомнѣнія въ туранскомъ происхожденіи націи. Вамбери говоритъ, что даже по характеру хивинскій узбекъ лучше своихъ соплеменниковъ. Онъ честенъ и откровененъ; у него дикая, простая натура окружающихъ его нѣмадовъ, безъ утонченнаго лукавства восточной цивилизаціи. Хивинскіе узбеки не столь сильныя фанатики ислама, какъ бухарскіе... Но этому похвальному свидѣтельству венгерскаго путешественника можно противопоставить множество несогласныхъ съ нимъ фактовъ и свидѣтельствъ русскихъ и даже англичанъ, посѣщавшихъ Хиву. Подозрительность, лживость и зѣбская жестокость хивинцевъ не подлежатъ никакому сомнѣнію. Азчность ихъ едва-ли уступаетъ азчности сосѣднихъ туркменовъ, такъ что, напримѣръ, Данилевскій былъ доводимъ ихъ притизаніями до сильнаго пернато раздраженія. Да и самъ Вамбери описываетъ сцены, доказывающія крайнюю жестокость сердца хивинскихъ узбековъ. Притомъ, одна торговля людьми, захватъ въ плѣнъ чужеземцевъ и жестокое обращеніе съ ними уже свидѣлствуютъ о варварскомъ состояніи народа. Вотъ почему всѣ сосѣди не любятъ Хивы, и не только Россія и Персія, но въ свое время Бухара и даже каракалпаки и туркмены имѣли не разъ вооруженныя столкновенія съ хивинцами.

Вслѣдствіе коренного противорѣчія двухъ главныхъ авторитетовъ о Хивѣ, Данилевскаго и Вамбери, нѣтъ никакой возможности опредѣлить, хотя приблизительно, численность узбековъ Хивинскаго ханства. Но уже самъ Данилевскій, называвшій ихъ второстепеннымъ власомъ населенія, полагалъ, что ихъ есть до 18,000 семействъ, т. е. 90,000 душъ, причемъ указывалъ, что они главнѣйше сосредоточены въ Хивѣ, Гурленѣ, Хазаръ-аспѣ, Мангытѣ и Кичкаѣ съ

т. е. таджикамъ, что не вѣрно. Ошибка, вѣроятно, произошла отъ того, что русскій путешественникъ, незнавшій мѣстныхъ языковъ, каждаго торговца, со словъ киргизовъ, называлъ сартомъ.

окрестностями. Если къ нимъ причислить еще араль-узбековъ на низовьяхъ Аму-дарьи и у Аральскаго моря, гдѣ они занимаются скотоводствомъ и рыболовствомъ, то все число узбекской національности будетъ, конечно, не менѣ 100,000 душъ. Но и эта цифра окажется меньше истинной, если взять въ соображеніе, что большинство хивинскихъ таджиковъ или *сартовъ* не безъ основанія причисляется Вамбери также къ узбекамъ, такъ какъ они говорятъ тюркскимъ языкомъ и ведутъ одинаковую съ коренными узбеками жизнь. Принявъ и ихъ въ составъ обще-хивинской народности и держась цифры Данилевскаго (20,000 семей), мы получимъ, что все число узбековъ или, правильнѣе, *хивинцевъ* будетъ 200,000 душъ, а Килевейнъ говоритъ даже о 400,000, неизвѣстно, впрочемъ, на какомъ основаніи.

Какъ узбеки собственно, такъ и сарты суть земледѣльцы, ремесленники и торговцы; но въ послѣднемъ отношеніи таджики-сарты берутъ верхъ надъ коренными узбеками. За то послѣдніе, какъ завоеватели края, хранятъ за собою одно важное преимущество: давать странѣ хановъ и визирей, которые могутъ быть только изъ родовыхъ узбековъ. О военныхъ качествахъ всего хивинскаго народа можно сказать вообще, безъ различія тюркскаго или персидскаго происхожденія, что люди эти храбры до запальчивости при первомъ натискѣ и удачѣ, но быстро теряютъ отвагу при первомъ твердомъ отпорѣ и становятся обыкновенными средне-азіатскими трусами, неподчиняемыми дисциплинѣ во время отступленія, которое тотчасъ обращается въ бѣгство. Выносливость ихъ въ походахъ также не довольно извѣстна, ибо немалое уже время они не ходятъ сами въ набѣги и на другія военныя предпріятія, предпочитая посылать для этихъ цѣлей въ сосѣдніе государства киргизовъ и туркменовъ. Низость душевная, воспитанная многолѣтнимъ деспотизмомъ и высказавшаяся, напримѣръ, въ пэмѣлническомъ умерщвленіи отряда Бекевича-Черкаскаго и во множествѣ другихъ подобныхъ примѣровъ, не оставляетъ сомнѣнія, что хивинцы войны, будь они даже хорошо вооружены, всегда будутъ самою презрѣнною сволочью.

6) Последнюю народность, осѣдло-живущую на описываемомъ пространствѣ, составляютъ *персіане*. Это суть плѣнные, захваченные туркменами и проданные въ Хиву, или потомки плѣнныхъ. Масса ихъ находится въ состояніи рабства и живетъ при земляхъ своихъ владѣльцевъ, занимался обработкою почвы и домашними послугами; нѣкоторые же успѣли выкупиться, живутъ на отведенныхъ имъ земляхъ и платятъ хану налоги, безъ права возвращаться на роди-

пу. Про рабовъ Данилевскій говорить, что ихъ положеніе самое тягостное, а Вамбери, напротивъ, что «въ матеріальномъ отношеніи имъ въ Хивѣ педурно», ничего, впрочемъ, не упоминая о нравственномъ. Довольно сказать, что за малѣйшую попытку бѣжать имъ подрѣзываютъ сухожилія на ногахъ или обрѣзаваютъ уши и т. п. Рабовъ въ Хивѣ называютъ *догма*, а потомковъ ихъ *ханепадами*. Клеймо рабства изглаживается только въ третьемъ поколѣніи, и тогда персіяне начинаютъ ничѣмъ почти не отличаться отъ природныхъ хивинцевъ, называемыхъ сартами. Число всѣхъ персіанъ въ Хивинскомъ ханствѣ Данилевскій въ свое время полагалъ 15,000 семействъ (?), т. е. около 50,000 душъ (большинство, конечно, холостыхъ), а Вамбери до 40,000; изъ нихъ треть, по Данилевскому, жила уже на свободѣ. На сколько послѣдніе привязаны къ новому своему отечеству, нельзя съ достовѣрностію сказать; но что рабы ненавидятъ хивинцевъ, это разумѣется само собою.

Оставляя безъ вниманія другія, случайныя и весьма малочисленныя, народности, въ родѣ евреевъ, аравитянъ и ямшидовъ, о которыхъ упоминаютъ путешественники въ Хиву, мы можемъ сказать, что все осѣдлое населеніе описываемаго пространства простирается до 252,000 душъ, а съ помадами общій итогъ числа жителей будетъ 750,000 душъ, изъ которыхъ въ подданствѣ Россіи до 508,000, подъ властію Хивы 242,000, почти исключительно мусульманъ-сунитовъ, которые по этому самому могутъ тяготѣть къ Хивѣ, не говоря уже о родственныхъ и экономическихъ связяхъ съ нею.

Впрочемъ и Хива не представляетъ однороднаго и прочнаго политическаго цѣлаго: каракалпани, туркмены и персіяне образуютъ въ ней элементы враждебные господствующему большинству узбековъ и таджиковъ, а потому для искуснаго политика пригодныя къ обращенію въ оружіе противъ самой Хивы. Къ сторонѣ Россіи это условіе являются каракалпани.

Географическое распредѣленіе населенія, подвластнаго Россіи, указано выше, причемъ описаны и важнѣйшія изъ перечисленныхъ осѣдлостей. Въ описаніи земли оренбургскихъ киргизовъ Мейера, на большой картѣ кочевокъ тѣхъ же киргизовъ, составленной въ 1871 году въ Оренбургѣ, и въ «Туркестанскомъ Ежегодникѣ» 1872 года можно найти самыя мелкія подробности относительно этого русскаго или, собственно, киргизскаго населенія. Но какъ помады не заслуживаютъ того, чтобы при военномъ обзорѣ страны перечислять всѣ ихъ кочевья, то здѣсь мы ограничимся лишь дѣльнѣйшими подробностями о мѣстахъ жительства *осѣдлаго* населенія, въ

этотъ разъ уже хивинскаго, а не русскаго. Это хивинское населеніе сосредоточено въ болѣе или менѣе значительныхъ городахъ и въ очень мелкихъ деревняхъ. Число первыхъ, отличающихся тѣмъ, что обнесены стѣнами, различные путешественники опредѣляютъ неодинаково: Вамбери, напримѣръ, 32, а Данилевскій 25, не считая, впрочемъ, въ послѣднемъ случаѣ городовъ по правую сторону Аму-дарьи. Самые названія городовъ не всегда сходятся у обоихъ названныхъ сейчасъ писателей, такъ что у Данилевскаго, несмотря на менѣйшій итогъ, есть мѣстности (Шорсу, Булдумсавъ, Багаты), которыхъ нѣтъ у Вамбери; списокъ же послѣдняго заключаетъ въ себѣ не менѣе одинадцати именъ, не находящихся у Данилевскаго даже въ числѣ деревень. И если съ этими двумя списками сопоставить весьма обстоятельную вѣдомость Ханыкова, то замѣшательство будетъ еще болѣешимъ. Держась Вамбери, какъ авторитета наиболѣе близкаго къ современности и обнимающаго все Хивинское Ханство, т. е. и правый берегъ Аму-дарьи, мы получаемъ слѣдующую таблицу хивинскихъ городовъ:

По *лѣвую* сторону Аму-дарьи:

Амбаръ, на каналѣ Шахъ-абатъ, въ 47 верстахъ къ сѣверо-западу отъ Хивы; населенъ сартами и персіанцами.

Акъ-Дербентъ-Джамли, въ семи ташахъ (35 верстахъ) отъ Хивы, неизвѣстно въ какомъ направленіи.

Бентъ, крѣпость на лѣвомъ берегу Аму, въ 25 верстахъ отъ Кипчака.

Гурленъ, въ 43-хъ верстахъ на сѣверъ отъ Хивы, на каналѣ Гурленъ, рукавѣ Клычъ-піазбая; стѣнами не обнесены. Жители — узбеки и сарты; городскому начальству подвѣдомственны еще восемь деревень.

Джагатай, въ 35 верстахъ на сѣверо-западъ отъ Хивы, на рукавѣ канала Шахъ-абатъ, ничтожный городокъ съ населеніемъ изъ узбековъ.

Ильалы, въ 84 верстахъ къ сѣверо-западу отъ Хивы, на каналѣ Шахъ-абатъ, съ ханскимъ домомъ и садомъ, но безъ укрѣпленій.

Казаватъ, въ 23 верстахъ съ сѣверо-сѣверо-запада отъ Хивы, на каналѣ того же имени; жители — сарты.

Кипчакъ, въ 96 верстахъ на сѣверо-сѣверо-западъ отъ Хивы, у самой Аму-дарьи; жители — узбеки; городской стѣны нѣтъ.

Китай, въ 66 верстахъ отъ Хивы, ханскій дворъ и небольшое число узбекскихъ домовъ, необнесенныхъ стѣною.

Кіатъ-Кунградъ, между Гурленомъ и Новымъ Ургенчемъ, окруженъ стѣнами, длиною около версты, но почти развалившимися.

Бикчагъ, неизвѣстно гдѣ.

Клычъ-Ніазбай, довольно значительное мѣстечко, населенное сартами и узбеками, находится въ 72 верстахъ отъ Хивы, на каналѣ своего имени.

Канлы, неизвѣстно гдѣ.

Кошъ кунырзъ, въ 18 верстахъ отъ Хивы, на каналѣ Казанатъ, обнесенъ стѣнами по 150 сажень въ боку.

Кунградъ, на самой Аму-дарѣ, при раздѣленіи рѣки на два рукава, на лѣвомъ ея берегу; обнесенъ стѣною около четырехъ верстъ длиною, мѣстами даже двойною. Жители — узбеки. Городу подвѣдомственны четыре деревни.

Манымъ, въ 81 верстѣ отъ Хивы; населенъ узбеками и частью сартами.

Новый-Ургенчъ, въ 31 верстѣ отъ Хивы, одинъ изъ значительныхъ городовъ ханства, съ глиняною стѣною въ 225 сажень по длинѣ и 200 сажень по ширинѣ; население, до 2,000 душъ, состоитъ главнѣйше изъ сартовъ. Подвѣдомственны восемь деревень.

Нозашъ, между Ханки и Хаваръ-аспомъ.

Питнякъ, на крайнемъ юго-востокѣ ханства или по крайней мѣрѣ осѣдой части его, на каналѣ того же имени, въ трехъ верстахъ отъ Аму-дары; маленькое мѣстечко.

Порсу, ханскій домъ и садъ; мѣсто убіенія Бекевича.

Ташаусъ, въ 61 верстѣ отъ Хивы, на каналѣ Шахъ-абатъ; имѣетъ укрѣпленіе изъ глиняныхъ стѣнъ по 300 сажень въ боку, съ тремя воротами. Но жителей въ городѣ мало, а разселены они болѣе по окрестностямъ.

Хазаръ-асия, укрѣпленный городъ на одномъ изъ рукавовъ канала Полванъ-ата, со значительнымъ числомъ лавокъ; населенъ узбеками и сартами.

Ханки, укрѣпленіе по 100 сажень въ боку, съ нѣсколькими десятками лавокъ.

Ходжейли, городъ не укрѣпленный, населенный аралъ-узбеками; въ немъ до 150 лавокъ.

Шахъ-абатъ, въ 33 верстахъ отъ Хивы, у канала того же имени; обнесенъ четырехугольною стѣною по 200 сажень въ боку: имѣетъ ханскій домъ съ садомъ, но мало домовъ частныхъ.

Хива, главный городъ ханства, расположенный между канавъ Ингрия и Чарджели, вытекающихъ изъ Полвалъ ата. По свидѣтель-

ству Данилевскаго, онъ имѣетъ двѣ стѣны: около внутренняго города, длиною до 1,040 сажень, и около наружнаго, длиною 3,100 сажень, что показываетъ, что городъ довольно великъ. Планъ, приложенный къ описанію Ханькова, свидѣтельствуетъ еще, что западная часть внутренняго города отдѣлена отъ послѣдняго особою стѣною и образуетъ цитадель или кремль, гдѣ живетъ ханъ и его приближенные. Вамбери перечисляетъ пять кварталовъ въ этомъ кремлѣ и десять въ городѣ, но не раздѣляетъ послѣдняго на внутренній и наружный, такъ что для непосѣщавшихъ Хивы остается подъ сомнѣніемъ, имѣетъ ли мѣстопробываніе хана тройную или только двойную ограду. Кажется, что нужно предположить послѣднее, т. е. подъ именемъ внутренняго города разумѣть цитадель. Но и при такомъ условіи топографія Хивы вызываетъ недоумѣнія. Если наружная стѣна имѣетъ шесть верстъ длины, то очевидно, что это значительный городъ, въ которомъ можно предположить, согласно съ Вамбери, отъ 3 до 4,000 домовъ; между тѣмъ Данилевскій говоритъ, что все число его жителей, обомъ половъ, не превышаетъ 4,000 душъ (*). Затѣмъ, сравнивая описанія Данилевскаго и Вамбери, мы находимъ, что первый говоритъ о двѣнадцати воротехъ въ наружной стѣнѣ, второй только о девяти. Названія мечетей и медресе, т. е. замѣчательнѣйшихъ зданій города, также не сходятся, кромѣ одного. Стѣна, по свидѣтельству Данилевскаго, имѣетъ четыре сажени толщины въ основаніи, не болѣе фута вверху и до трехъ съ половиною сажень въ вышину; но на планѣ Ханькова, вѣроятно взятомъ съ чертежа Муравина, толщина стѣны показана менѣе сажени, вышина съ небольшимъ сажень и передъ стѣною нарисованъ водный ровъ. Вообще, за вѣрное можно, кажется, считать лишь то, что ханскій кремль находится въ западной части города, и что затѣмъ Хива, какъ всѣ средне-азіатскіе города, построенъ чрезвычайно неправильно и состоитъ изъ глиняныхъ домовъ съ плоскими крышами, разбросанныхъ среди садовъ, вдоль узкихъ и кривыхъ улицъ. Въ немъ есть большой базаръ, съ караванъ-сераемъ, для торговли товарами, и малый — для продажи людей; 17 мечетей, 22 медресе и 260 лавокъ даютъ понятіе о составѣ городского населенія и о его занятіяхъ. Многія медресе, т. е. училища, обеспечены хорошими доходами, такъ что главные преподаватели въ нихъ, ахуны, получаютъ до 5,000 батмановъ пшеницы и 150 тысячъ денегъ въ годъ на жалованье. Ученики, по обычаю мусульманскихъ школъ, также не остаются безъ довольствія хлѣбомъ и деньгами.

(*) Въ Военно-Статистическомъ сборникѣ показано 40,000 душъ.

По повѣдѣніямъ извѣстіямъ, хивинцы стали усиливать оборонительныя средства своей столицы и, между прочимъ, построили башни, поставили по стѣнамъ артилерію и т. п. Но подробности объ этихъ сооруженіяхъ неизвѣстны.

Ургенъ Старый или Кума-Ургенъ, небольшой городокъ на ханскомъ каналѣ, близъ стараго русла Аму-дарьи и развалины прежняго города того же имени; лежитъ нѣсколько особнякомъ отъ прочихъ городовъ ханства, но большого значенія не имѣетъ: въ немъ есть не болѣе 35 домовъ и 75 лавокъ для торговли съ окрестными номадами.

Ургу-мурунъ есть небольшая крѣпостца, вновь возведенная хивинцами у бышняго пролива между Аральскимъ Моремъ и Айбугиromъ.

На правомъ берегу Аму-дарьи Вамбери перечисляетъ города *Чимбай, Лени-Янъ, Нукъ, Шураханъ* и *Разметъ Бердибенъ*—все, повидимому, незначительныя мѣстечки, какъ крѣпостца *Курманча*, которой не встрѣчамъ ни у венгерскаго путешественника, ни на русскихъ картахъ, хотя о нахожденіи ея среди каракалпакскихъ кочевковъ свидѣлствуетъ Бутаковъ. Общее число деревень ханства у Данилевскаго простирается до 60; но вѣроятно это не все, потому что въ рукописи Хапыкова и въ книгѣ Вамбери можно найти еще нѣсколько десятковъ именъ, которыя принадлежатъ селеніямъ, существующимъ если не въ полномъ числѣ, то по крайней мѣрѣ отчасти.

Управление.

Познакомясь съ составомъ и распредѣленіемъ населенія при-аральской окраины, перейдемъ къ главнѣйшимъ подробностямъ политическаго его устройства. Дѣй трети этого населенія, и въ томъ числѣ почти все киргизы, принадлежатъ Россіи и управляются чиновниками трехъ вѣдомствъ: кавказскаго, оренбургскаго и туркестанскаго. Выше уже было замѣчено, что административныя системы этихъ вѣдомствъ неодинаковы, и потому не безъ основанія можно ожидать нѣкотораго различія въ самыхъ отношеніяхъ къ намъ подвластныхъ туземцевъ. Такъ оно и есть. Между тѣмъ какъ сыръ-дарьинскіе киргизы, хотя покоренные нами послѣ другихъ, ведутъ спокойную пастушескую жизнь и частію занимаются земледѣліемъ и торговлею, ихъ соплеменники на Усть-Уртѣ и частію въ оренбургской степи нерѣдко обнаруживаютъ наклонность къ степному хищничеству, т. е. къ барантѣ и грабежамъ, и даже недавно находились въ открытомъ возстаніи, простиравшемся до дерзкаго нападенія на наши селенія и форты. Эти бунтовавшіе киргизскіе роды состоятъ нынѣ въ вѣдѣніи частію мангышлакскихъ начальствъ,

т. е. мусульманскихъ набовъ съ Кавказа, частію же управленій уѣздовъ Гурьевскаго, Эмбенскаго и Иргизскаго, гдѣ ближайшіе начальники народа суть выборные изъ него самого бии и старшины, подвѣдомственные прямо русскимъ властямъ. Которая изъ двухъ системъ приведетъ вѣрнѣе къ цѣли, то-есть къ окончательному умиротворенію при-аральскихъ помядовъ, трудно сказать, по кратковременности опыта; но вѣроятно, что кавказское устройство окажется лучшимъ для перваго раза, т. е. въ смыслѣ скорѣйшаго подавленія видимой непріязни помядовъ, а оренбургское приведетъ къ результатамъ хотя медленнымъ, но болѣе прочнымъ, особенно если будетъ отмѣненъ традиціонный приемъ оренбургской администраціи высылать въ степь подвижныя отряды и въ замѣнъ того, по сибирскому примѣру, будетъ основано нѣсколько гражданскихъ осѣдлостей, гдѣ номады могли бы находить все нужное для ихъ непріхотливой жизни и сбывать остатки собственныхъ произведеній. Успѣхъ этой системы дознанъ не только опытнымъ опытомъ въ западной Сибири, но и весьма быстрымъ развитіемъ киргизо-русской гражданственности въ Семирѣчьи и на низовьяхъ Сыра. Кавказскій же порядокъ кажется еще потому менѣе удовлетворителенъ, что отбѣгаетъ отъ администраціи вѣдѣвшихъ киргизовъ и тѣмъ самымъ вселяетъ въ нихъ нерасположеніе къ русскимъ, съ которыми, однако, они, безъ сомнѣнія, быстро поладятъ, какъ только достойнѣйшіе изъ нихъ будутъ отличены наградами и долею власти въ администраціи и судѣ. Наконецъ, по поводу обособленія мангышлакскихъ киргизовъ, можно еще замѣтить, что собственно быть киргизскаго парода повсюду одинъ и тотъ же, а потому и отношенія наши къ этимъ людямъ должны быть единообразны (*).

Что касается до Хивы, то все значеніе ея на томъ и держится, что она управляется *единою* властью, и притомъ деспотическою, которая не знаетъ себѣ границъ внутри подвѣдомственныхъ земель и умѣетъ пользоваться недостаткомъ единства въ дѣйствіяхъ у сосѣдей. Власть эта принадлежитъ *хану* изъ узбековъ, около котораго помощниками по дѣламъ управленія стоятъ обыкновенные средне-азиатскіе сановники—*кушъ-беги, диванъ-беги, мектеры* и проч. Въ Хивѣ къ нимъ еще присоединяются: а) *низи*, въ числѣ четырехъ, правители важнѣйшихъ городовъ, обыкновенно изъ родственниковъ хана; б) *наибъ*, глава духовенства, изъ потомковъ Магомеда, равный по достоинству шейхъ-уль-исламу въ Константинополѣ;

(*) Въ отношеніи податей, впрочемъ, все киргизы и безъ того равны, внося ежегодно по 3 руб. 50 коп. съ юрты.

в) *биэ*, ближайшій спутникъ хана на войнѣ; г) *казы-кыяна*, верховный судья ханства. Второстепенныя должности суть: минбаши, юзбашы, онбаши по военной и полицейской частямъ, и улемы, муфти и ахуны по духовной и судебной. Эта іерархія властей дѣйствуетъ съ извѣстною правильностію, по закону (шариату) и обычаямъ, которыхъ изученіе составляетъ предметъ занятій въ медресе. Для содержанія всего служебнаго персонала и войска ханъ обираетъ съ народа подати: поземельную и торговую, а духовенству предоставлены вакфы, т. е. имѣнія, пожертвованныя благочестивыми людьми специально на содержаніе муллъ. Поземельная подать вносится всѣми, кромѣ военныхъ и духовныхъ, въ размѣрѣ 30 коп. сер. съ тапала, а торговая или зякетъ есть обычная у мусульманъ сороковая часть привозимыхъ на продажу товаровъ, т. е. два съ половиною процента ихъ стоимости. У номадовъ подати преобразуются въ имущественный налогъ по одной теньгѣ (20 коп.) съ головы крупнаго скота и по полутеньгѣ съ каждой овцы. Но сборъ этихъ налоговъ всегда сопровождается злоупотребленіями, и въ дополненіе къ нимъ подданные хивинскаго хана, не только бѣдные, но и богатые, люди съ вліяніемъ, сильно приплачиваются всякій разъ, когда имѣютъ нужду до правительства и агентовъ его. Самъ ханъ, до котораго доступъ нуждающимся не возбраненъ (*), бываетъ не прочь отъ подарковъ, чѣмъ и пользуются люди богатые для полученія доходныхъ мѣстъ и для другихъ печистыхъ дѣлъ. При существованіи гаремовъ, немало подобныхъ же дѣлъ совершается чрезъ посредство женъ и евнуховъ.

Независимо отъ указанныхъ сейчасъ налоговъ, хивинскій ханъ имѣетъ еще доходы съ принадлежащихъ ему земель, съ выручки на дрова растущихъ на нихъ деревьевъ, съ добычи отъ баранты и грабежей, производимыхъ туркменами, каракалпаками и киргизами и, наконецъ, отъ конфискуемыхъ имуществъ. Сколько собирается чрезъ это денегъ въ ханской казнѣ, трудно сказать, и если Муравьевъ считалъ, что до четырехъ миліоновъ рублей ассигнаціями, то такая цифра кажется совершенно гадательною.

(*) Ханъ и всѣ правители городовъ, по установленному обычаю, принимаютъ ежедневно всѣхъ просителей въ теченіе четырехъ часовъ, причемъ рѣшаютъ дѣла уже не справляясь съ законами, а по личному взгляду, не стѣсняясь тѣмъ, что было постановлено князьями и муртаками. Вамбери разсказываетъ, что покойный Сандъ-Магомедъ-ханъ любилъ особенно разбирать споры женатыхъ людей и нѣсколько держался за бока отъ хохота, смотря, какъ мужъ и жена таскали другъ-друга по двору во время его судоговореній.

Военный обзоръ.

Всѣ изложенныя здѣсь данныя о Хивѣ и о русскихъ степяхъ, сосѣднихъ Аральскому Морю, позволяютъ сдѣлать слѣдующіе выводы и соображенія, относящіеся непосредственно къ стратегической оцѣнкѣ при-аральскаго пограничнаго пространства:

1) На обширномъ пространствѣ этомъ соприкасаются два государства: огромная, усвоившая значительную часть европейскихъ формъ жизни, Россія и маленькое среднѣ-азиатское ханство Хива; но линіи прикосновенія между ними указать на картѣ нельзя, да ея нѣтъ и въ дѣйствительности. Соображая, однако, политическое и нравственное состояніе номадовъ, обитающихъ по окраинамъ обоихъ государствъ, можно сказать, что граница вліянія ничтожной Хивы входитъ довольно далеко въ предѣлы земель, по той или по другой причинѣ не безусловно считаеваемыхъ русскими.

Явленіе это объясняется прежде всего естественными условіями территоріи. Собственно Россія отдѣлена отъ Хивы пространствомъ отъ 600 до 1,300 верстъ, въ высшей степени неудобнымъ къ распространенію на немъ русскихъ оскѣдлостей и къ движенію по немъ русскихъ войскъ. Рѣдкіе же обитатели этихъ пустынь, по религіи и преданіямъ, до нѣкоторой степени тяготеютъ къ Хивѣ, и тѣмъ замѣтнѣе, чѣмъ далѣе къ югу отъ крайняго сплошнаго ряда русскихъ селеній — линіи оренбургско-уральской. Недавнія реформы въ управленіи подвластными Россіи номадами-мусульманами, улучшивъ положеніе пародныхъ массъ въ степи, создали, однакоже, въ степяхъ классъ людей, которые недовольны новымъ порядкомъ и которые, если не заявляютъ открыто приверженности къ сосѣдней единовѣрной и единоплеменной Хивѣ, то, во всякомъ случаѣ, таятъ внутреннія къ ней симпатіи и не прочь, по временамъ, оказывать ей содѣйствіе, что особенно можно сказать про адаевцевъ.

2) Если бы, вслѣдствіе долговременной исторической непріязни Хивы къ Россіи и исторической же неосторожности поступательнаго движенія послѣдней по Средней Азій, пришлось принять противъ Хивы рѣшительныя мѣры, то на этомъ пути Россія встрѣтитъ гораздо болѣе затрудненій, чѣмъ то было доселѣ на всемъ протяженіи отъ береговъ Урала и Иртыша до Небесныхъ Горъ и Миякальской долины. Главная причина тому, впрочемъ, заключается не въ военномъ и политическомъ могуществѣ Хивы, а въ ея труднодоступности. И въ самомъ дѣлѣ, разсматривая пути дѣйствія изъ Россіи къ Хивѣ, мы находимъ:

Со стороны Каспійскаго Моря можно было бы идти тремя дорогами:

отъ Красноводска, отъ форта Александровска и отъ бывшаго укрѣпленія Александровскаго у Мертваго Култука. Но послѣдняя мѣстность въ настоящее время пустыня, и потому не можетъ служить базой для войскъ, тѣмъ болѣе, что и доступъ къ ней съ моря труденъ. Фортъ Александровскій, лежащій на краю Мангышлака, въ 900 верстахъ отъ Хивы, былъ бы не менѣе неудобнымъ исходнымъ пунктомъ для военной экспедиціи. По дорогѣ изъ Красноводска возможность похода дознана опытомъ, по крайней мѣрѣ до Сары-камышъ; но этотъ путь также представляетъ огромныя трудности отъ недостатка воды и травъ, а, главное, отъ полнѣйшей зависимости, въ которую вступающій отрядъ станетъ отъ туркменовъ, непріязненные отношенія къ которымъ могутъ крайне обезопасить движеніе и даже разстроить его совсѣмъ, лишивъ войска перевозочныхъ средствъ (*). Судя по свойствамъ осматрѣнныхъ въ 1871 году мѣстностей, позволительно еще сомнѣваться, можно-ли отъ Красноводска двинуть на Хиву болѣе двухъ баталіоновъ съ батареею; отъ кавалеріи же, по видимому, предстоитъ отказаться почти совсѣмъ, хотя именно она-то и необходима въ степяхъ.

Пути съ Урала черезъ эмбенскія степи и Усть-Уртъ, т. е. западнѣе Аральскаго Моря, представляютъ почти столько же неудобствъ, какъ и отъ Каспійскаго Моря. Допустимъ даже, что здѣсь мы легче можемъ найдти транспортныхъ верблюдовъ отъ подвластныхъ намъ киргизовъ, что здѣсь могутъ быть нами собраны предварительно большіе военные и продовольственные запасы на верхней Эмбѣ; но все-таки путь отъ Эмбы до предѣловъ Хивинскаго оазиса составитъ 900 верстъ почти голой степи, гдѣ войскамъ будетъ предстоять не меньше лишеній, какъ на сарыкамышской дорогѣ, и гдѣ притомъ они могутъ быть обезопасены если не туркменами, то киргизами, предавными Хивѣ, и самими хивинцами.

Путь по Аральскому Морю, несмотря на многія важныя препятствія, особенно на возможность скорого перехода четырехсотъ верстъ безъ всякой видѣнной опасности, кромѣ случайныхъ бурь, имѣетъ также немаловажные недостатки. Во-первыхъ, у насъ здѣсь нѣтъ удобныхъ пунктовъ для посадки войскъ на суда; во-вторыхъ сѣверный берегъ моря самъ по себѣ не есть база, а таковою можетъ служить

(*) Само собою разувѣется, что здѣсь предполагается предварительный наемъ верблюдовъ и денегъ отъ тѣхъ же туркменовъ, которые чрезъ то самое станутъ какъ бы сторонниками экспедиціи; но на принятіе этихъ наваровъ нельзя полагаться даже и въ такомъ случаѣ. Нерадъ же верблюдовъ силою задушить съять просто преступленіемъ, какъ въ нравственномъ, такъ и въ политическомъ смыслѣ.

лишь Сыръ-дарьѣ, съ полутора футами воды на барѣ; въ-третьихъ, высадка на южномъ берегу Арала также можетъ быть неудачна, если не отъ сопротивленія жителей, то отъ иренитствій, полагаемыхъ природою, ибо вся сѣверная часть дельты Аму-дарьи низменна, болотиста, а при разливахъ даже обращается въ рядъ озеръ и непроходимыхъ топей. Млѣніе Берга, развитое имъ по французской запискѣ 1827 года, что стоитъ только занять Кунградъ, чтобы пріобрѣсти несомнѣнную увѣренность въ покореніи Хивы, потому и кажется трудно исполнимымъ, что мы теперь, благодаря Бутакову и другимъ, ближе узнали свойства дельты Аму (*). Конечно, въ случаѣ войны съ Хивою намъ не миновать употребленія этого пути, хотя бы для перваго раза какъ вспомогательнаго; но нужно принять въ расчетъ серьезныя опасности, которыя могутъ встрѣтиться отъ болотной почвы какъ для похода внутрь страны, такъ и для расположенія лагеря. О сухопутныхъ перевозочныхъ средствахъ и говорить нечего: стоитъ только каракалпакамъ уйдти отъ берега Аральскаго Моря, чтобы поставить войска въ большое затрудненіе по транспортировкѣ тяжестей. Поэтому аральскій путь представляетъ почти столько же зависимости отъ нашихъ отношеній къ момадамъ, сколько и пути отъ Красноводска и съ Эмбы. А сверхъ того усилѣнъ движенія по немъ обуславливается временами года, ибо зимой плаваніе по морю опасно, а лѣтомъ, за исключеніемъ времени половодья, нельзя съ пароходами подниматься до Кунграда и нужно будетъ высадку дѣлать въ шестидесяти верстахъ сѣвернѣе его, у моря.

Дорога съ низовій Сыра на Кипчакъ или Ходжейли есть кратчайшая между осѣдлостями хивинскими и русскими; но она крайне

(*) Впрочемъ еще до Бутакова наши свѣдѣнія о свойствахъ этой дельты были весьма точны. „Въ десяти верстахъ ниже Ходжейли, на лѣвомъ берегу Дарьи“, говоритъ Данилевскій, „растетъ, кромѣ кустарника, густой камышъ, который лишь Кунградъ становится сдвоеннымъ до самого моря и покрываетъ значительную часть дельты Аму-дарьи, будучи проходнымъ лишь тамъ, гдѣ киргизы и киргизы проложили узанныя тропы“. Хивинцы въ 1839 году говорили то же самое, именно, что „насъ путь отъ моря до Порсу и даже до Буздумска идетъ между топями, озерами, прорывами, камышами и кустарниками ежегодно заливаемыми водой Аму-дарьи; почему провалъ по немъ для арбъ возможенъ только подъ условіемъ или очень сухого лѣта, или суровой и постоянной зимы; но послѣдняя въ Хивѣ весьма легка и пережидчива, почему, двигаясь сямъ путемъ, легко подвергнуться опасности затопить орудія и обозъ, подмочить пороха, испортить некованныхъ лошадей и верблюдовъ, а наконецъ за переправами, вытаскиваніемъ и пр. потерять болѣе времени, чѣмъ сдѣлаю по дорогѣ дѣлѣйшей, но лучше устроеной. Мѣстность закрытая кустарниками, лишаясь притока возможности удачно дѣйствовать артилеріею и подвергается опасности внезапныхъ атакъ въ дефилеяхъ“.

неудобна для сколько-нибудь значительныхъ военныхъ отрядовъ, по маловодью, множеству солонцовъ, сыпучихъ песковъ и скудости травъ. Сверхъ того, она приводитъ лишь на правый берегъ Аму-дарьи, а не въ центръ Хивинскаго оазиса; переправа же черезъ Оксъ въ хивинскихъ предѣлахъ можетъ представить немаловажныя затрудненія.

Иркибийская дорога имѣетъ почти тѣ же качества.

Мипбулакская, отъ Джизака, и длинна, и безплодна.

Чарджуйская, быть можетъ, лучше всѣхъ другихъ; но она немалымъ безъ предварительнаго покоренія Бухары.

И такъ, труднодоступность Хивы для *наступательнаго* движенія со стороны Россіи не подлежитъ сомнѣнію.

3) Однако соображая предшествовавшія военныя экспедиціи, отъ временъ Боконича до новѣйшихъ рекогносцировокъ къ Сары-камышу, Иркибаю и Дау-карь и до плаванія къ Куинграду, можно безъ большой ошибки предположить, что слѣдующія движенія исполнимы съ значительною вѣроятностью повсемѣстнаго и окончательнаго успѣха.

Отъ *Красноводска* или отъ Балханскихъ Горъ съ отрядомъ въ два батальона пѣхоты, восемь орудій артилеріи и сотни казаковъ, который долженъ будетъ уменьшиться въ составѣ своемъ на половину, чтобы основать вдоль операціонной линіи рядъ укрѣпленныхъ этаповъ. Для такого движенія нужно не менѣе 60 дней времени и до 2,500 верблюдовъ для перевозки тяжестей продовольственныхъ, госпитальныхъ, артилерійскихъ и разныхъ другихъ.

Съ *Эмбы*, по западному берегу Арала, черезъ перешеекъ, отдѣляющій отъ него озеро Айбугиръ, на Куинградъ, или по западной сторонѣ того озера на Куни-Ургенчъ — полтора батальона съ четырьмя орудіями и сотнею казаковъ, изъ которыхъ одну пѣхотную роту и два орудія слѣдуетъ оставить близъ Ургу-муруна для охраны пути и для устройства этапа, который бы могъ принимать и хранить запасы, подвозимые съ *Эмбы* и по Аральскому Морю. Отряду этому нужно имѣть до 2,200 верблюдовъ и по Ургу-муруна слѣдовать по-эшелону.

Изъ *Казалинска* по Сыру и Аральскому Морю — полтора батальона пѣхоты, четыре орудія и сотни казаковъ, которые, при наличномъ составѣ аральской флотиліи, если только она будетъ вполне исправна, могутъ значительную часть своихъ тяжестей отправить водою до залива Туче-басъ, а въ тылу устроить этапъ на Иркибаю.

Для производства подобнаго трехсторонняго наступленія на Хиву, которое во многихъ отношеніяхъ удобнѣе и выгоднѣе всякаго дви-

женія по *одной* дорогѣ (*), лучшее время года есть осень, отъ конца августа по конецъ ноября, или же весна, съ половины марта до половины мая. Движенія съ *Эмбы* и отъ *Красноводска* могутъ быть начаты почти одновременно, несмотря на разницу разстояній, такъ какъ красноводскій отрядъ пойдетъ этапами, которые нужно еще устроить. Отъ устья же Сыръ-дарьи флотилія съ запасами отправится тогда, когда эмбенскій отрядъ стаетъ въ урочищѣ Акъ-суатъ.

При этомъ условіи, войска всѣхъ трехъ отрядовъ придутъ на границы Хивинскаго оазиса почти одновременно. Устрашенная Хива, если не изъавитъ покорности въ самый моментъ прибытія отрядовъ, неизбежно будетъ покорена, и для такого завоеванія, конечно, потребуется немного времени. Полагая, что эмбенскій и красноводскій отряды соединятся у Куни-Ургенча и затѣмъ, открывъ сообщеніе съ туркестанскимъ, двинутся по ханству, довольно двухъ недѣль для похода на самую Хиву, участь которой едва ли можетъ быть рѣшена съ большимъ усиленіемъ, чѣмъ участь Ташкента, города съ 60,000 жителей, взятаго отрядомъ въ 900 съ небольшимъ штыковъ. По взятіи же главнаго города ханства, покореніе остальныхъ есть дѣло второстепенной важности, и если потребуетъ нѣкотораго усиленія дѣйствующихъ войскъ, то это можетъ быть безъ труда исполнено черезъ вызовъ съ этаповъ заднихъ частей красноводскаго отряда и подвозъ новыхъ силъ съ низовой Сыра. Да едва-ли это и понадобится, такъ какъ туркестанскій отрядъ, въ свою очередь, двинувшись вдоль самой Аму-дарьи и овладѣвъ шлюзами каналовъ, можетъ нанести окончательный ударъ хивцамъ. Затѣмъ всѣ сложныя и требующіе много времени стратегическія приемы, въ родѣ рекомендованнаго авторомъ одного проекта въ 1827 году, предварительнаго занятія и укрѣпленія Ташауза, какъ «стратегическаго опорнаго пункта, находящагося въ центрѣ Хивинскаго Ханства», кажутся нѣкотораго рода натяжкою или просто данью военной схоластикѣ.

4) Противъ всего этого плана однако можетъ быть сдѣлано возраженіе и, по видимому, очень серьезное: «движеніе русскихъ отрядовъ рассчитано въ немъ такъ, какъ будто они дѣлаютъ односторонній маневръ, т. е. не имѣютъ противъ себя непріятеля, такъ что весь планъ носитъ характеръ фикціи». Но на самомъ дѣлѣ тутъ фикціи нѣтъ, и для доказательства стоитъ вспомнить, съ одной сто-

(*) Собственно говоря, плановъ похода на Хиву можно составить множество, и каждый будетъ имѣть свои важныя достоинства и свои недостатки. Мы взяли для примѣра наиболѣе сложный, чтобы оцѣнить удобства движенія по наибольшему числу путей.

ропы, Перовскъ въ 1853 году, Узунъ-агачъ въ 1860, Ташкентъ въ 1865, Ирджаръ въ 1866 и Шахрисябъ въ 1870, а съ другой слѣдующія свѣдѣнія о свойствахъ хивинскихъ войскъ, приводимыя Данилевскимъ и Ханыковымъ:

«Войска хивинскаго хана состоятъ: 1) изъ немущихъ *узбековъ* и *сартовъ*, записывающихся въ военные для избѣжанія податей и повинностей. Войско это все конное, служить въ походѣ на своемъ содержаніи, получая только одновременно, предъ выступленіемъ въ походъ, по пяти тиллей на человѣка. Вооружено саблями и стрѣлами; только отличившіеся смѣлостію или искусствомъ въ стрѣльбѣ получаютъ отъ хана ружье, съ чѣмъ имѣетъ поступаютъ въ число его тѣлохранителей (до 1,000 человѣкъ, а у пшаховъ по 200 человѣкъ). Ружья у нихъ длинныя и тяжелыя, съ фитилями; лошади, болѣею частью, плохія, ибо за падшую казна даетъ не болѣе пяти тиллей (20 рублей серебромъ). 2) Изъ *туркменовъ*, *каракалпаковъ* и *киргизовъ*, обязанныхъ являться на войну даромъ, но, разумѣется, не составляющихъ вовсе военной силы. О сборѣ этихъ войскъ обыкновенно дѣлается объявленіе за мѣсяцъ до похода, такъ что серьезное подготовленіе ихъ къ боевымъ дѣйствіямъ (обученіе) невозможно. А какъ, кромѣ того, каждый воинъ въ походѣ продовольствуетъ самъ себя, общихъ же запасовъ, казенныхъ, совсѣмъ не бываетъ, то понятно, что продолжительныя военныя предпріятія съ такимъ сборомъ положительно невозможны.

«Артилерія хана—въ жалкомъ состояніи. Изъ 16 мѣдныхъ орудій, находящихся противъ ханскаго двора въ Хивѣ, одно, большого калибра, до половины вошло въ землю; семь другихъ, длинныхъ, но меньшаго калибра, также валяются на землѣ; въ остальныхъ, поставленныхъ на колеса, много свиней. Ядра хотя чугуныя, а покованные изъ желѣза какъ прежде, но неправильной формы. Порохъ хивинцы дѣлаютъ сами, добывая сѣру близъ мѣстечка Зей, а селитру у Куни-Урчепча, но порохъ этотъ—плохой, да и того едва ли наберется во всей Хивѣ нѣсколько десятковъ пудовъ. Выстрѣлы изъ пушекъ едва-ли могутъ простираться далѣе какъ на 150 сажень».

Допустимъ, что эти свѣдѣнія во многомъ уже устарѣли, и что теперь заведенъ въ Хивѣ сарбазы (регулярныя войска, числомъ до 1,000 человѣкъ), что ею получено изъ Индіи нѣсколько тысячъ порядочныхъ ружей, можетъ быть нѣсколько хорошаго пороха и другихъ военныхъ запасовъ, что, наконецъ, у хана есть до 60 орудій съ лафетами: откуда хивинскому войску было взять дисциплину,

тактическое образованіе, хорошихъ генераловъ, боевую опытность и прочію организацію военного хозяйства, которая бы обезпечивала возможность продолжительной борьбы? Всего этого нѣтъ, а между тѣмъ хану придется, при первомъ же извѣстіи о движеніи нашихъ войскъ отъ Эмбы и Красноводска, собрать свое воинство, которое однимъ своимъ пребываніемъ въ странѣ истощитъ ее, и если даже будетъ имѣть смѣлость пойти впередъ для задержанія движенія нашихъ отрядовъ, то, возвратясь усталымъ и, вѣроятно, разбитымъ, только увеличитъ общую безурядицу, общій страхъ. О мѣрѣ же этого страха можно судить по испугу хивинцевъ при извѣстіи о походѣ въ 1871 году трехъ съ половиной ротъ отъ Ташъ-арватъ-калы къ Сары-камышу.

О народной войнѣ въ предѣлахъ самого Хивинскаго оазиса нѣтъ нужды и говорить: народы, подавленные вѣковымъ деспотизмомъ, вовсе къ ней неспособны, и можно даже сказать, что утвержденіе русской власти въ Хивѣ едва-ли встрѣтитъ болѣе препятствій, чѣмъ было въ Ташкентѣ, Самаркандѣ, Бухдѣжѣ. Такимъ образомъ, экспедиція противъ Хивы въ сущности сводится на обыкновенный степной походъ, котораго главная трудность есть движеніе по бесплоднымъ пространствамъ, а вовсе не встрѣча съ вооруженнымъ противникомъ.

5) Но прежде чѣмъ могутъ быть предприняты наступательныя дѣйствія противъ Хивы, мы должны заботиться объ охранѣ собственныхъ предѣловъ отъ вторженій съ ея стороны, и, слѣдовательно, рассмотреть здѣсь силы и средства, назначаемыя для такой обороны. На всѣмъ протяженіи береговъ Каспія и Арала, Россія, конечно, безопасна отъ покушеній Хивы, не имѣющей флота. На Сыръ-дарьѣ, течение этой рѣки и линия укрѣпленій вдоль ея также достаточно гарантируютъ наши предѣлы отъ вторженія хивинцевъ и подвластныхъ имъ кочевыхъ народовъ. Но промежутокъ отъ Каспійскаго Моря до Аральскаго, въ 300 верстъ шириною, служитъ воротами для хищнаго сброда, вторженія котораго въ послѣднее время получили было особую цѣль: волновать подвластныхъ намъ киргизовъ южной части Оренбургской стѣны и нападать на транспорты и проѣзжихъ вдоль орско-казалинскаго тракта. Къ замкнутію этихъ-то воротъ и направлены всѣ усилія оренбургскихъ военныхъ начальствъ, которыми построено въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ въ за-уральской степи не менѣе четырехъ укрѣпленій въ дополненіе къ тремъ, прежде существовавшимъ. Укрѣпленія эти, однако, мало достигаютъ цѣли, потому что поставлены не въ самыхъ воротахъ, напримѣръ, у песковъ

Самъ, а гораздо сѣвернѣе, такъ что оставляютъ промежутки въ нѣсколько сотъ верстъ, весьма удобныя для вторженія хищниковъ. При томъ, впереди ихъ остаются еще значительныя пространства степей, занятыя нашими киргизами, но ничѣмъ неприкрытыя со стороны Хивы. Вотъ почему, не отрицая у Эмбенскаго поста его административнаго значенія и качествъ удовлетворительнаго этапнаго пункта на случай будущаго движенія въ Хиву, мы должны сказать, что онъ играетъ второстепенную роль при оборонѣ нашей зауральской степи. О Нижне-Эмбенскомъ укрѣпленіи нельзя утверждать и этого, такъ что упраздненіе его, вмѣстѣ съ Карабуганомъ, Акъ-Тюбинскимъ и Уильскимъ укрѣпленіями, было бы очень желательно. Тогда часть употребляемыхъ нынѣ на ихъ занятіе военныхъ силъ и средствъ можно будетъ передвинуть на югъ и тѣмъ достигнуть болѣе дѣйствительнаго охраненія нашихъ предѣловъ съ меньшими тратами. Мысль эта, до нѣкоторой степени, признана въ послѣдніе годы и въ Оренбургѣ; по сдѣланнымъ отсюда разысканіямъ пока не обнаружилъ въ за-эмбенскихъ степяхъ и на Усть-Уртѣ ни одной мѣстности, годной для устройства прочнаго опорнаго пункта. Поэтому съ оренбургско-уральской линіи ежегодно, весной, высылаются довольно значительныя подвижныя отряды къ сторонѣ Барсуковъ, Аральскаго Моря и сѣвернаго чинка, ходящіе по степямъ до осени. Отряды эти въ 1871—1872 годахъ успѣли гарантировать спокойствіе на орско-казанской дорогѣ.

6) Обычное расположеніе военныхъ силъ и средствъ Россіи на при-аральскомъ пограничномъ пространствѣ видно изъ квартирнаго ихъ расписанія и, конечно, не есть что-либо постоянное.

7) *Продовольствіе*, кромѣ мяса, въ оренбургскія степныя укрѣпленія получаютъ изъ-за Урала, помощью вьючной транспортировки, почему оно обходится очень дорого, напримѣръ для Эмбенскаго поста 9 рублей за четверть муки. Сыръ-дарьинская линія нынѣ кормится собственнымъ хлѣбомъ, изъ окрестностей Перовска; недостающее же количество, особенно морская провизія для флотиліи, привозится частью изъ Оренбурга, частью изъ Сыръ-дарьинской Области. Скотъ для мяса, конечно, всюду есть свой. Обмундировка войскъ оренбургскихъ сполна идетъ изъ Европейской Россіи, а на Сыръ-дарьѣ часть одежды солдатъ, именно бѣлье и кожаные штаны, дѣлаются изъ мѣстныхъ туркестанскихъ матеріаловъ. Вооруженіе все доставляется изъ Европейской Россіи и состоитъ у стрѣлковыхъ батальоновъ изъ винтовокъ Бардана, а у прочей регулярной пѣхоты изъ игольчатыхъ ружей, впрочемъ еще пестрою. Казаки же имѣютъ оружіе очень

разнообразное, такъ что далеко не всегда даже въ одной сотнѣ у всѣхъ людей одинаковыя ружья. Полевая артиллерія имѣетъ орудія заряжающіяся съ казны; но въ укрѣпленіяхъ орудія старыхъ системъ, гладостѣнные. Укрѣпленія эти имѣютъ профили, по большей части, полевые или нѣсколько большія ихъ по размѣрамъ, но безъ каменныхъ одеждъ. Впрочемъ, и въ этихъ оградахъ онѣ пуждаются мало, ибо степное укрѣпленіе не есть пунктъ предназначенный для выдержанія осады, а только штабъ квартира, лагерь подвижнаго отряда или вообще русской военной команды, которой назначеніе, прежде всего, быть военнымъ дозоромъ, развѣдомъ, а не стражемъ одного даннаго мѣста, гдѣ бы она должна была отсиживаться за крѣпостными стѣнами. Простыя канавы и валики за крѣпостными стѣнами, которыхъ нельзя было бы перескочить на лошади, совершенно достаточны для охраны такого лагеря или, лучше, имѣющихся въ немъ складовъ, а затѣмъ на случай огнестрѣльной обороны довольно приспособить самыя зданія, занимаемыя людьми и складами, не насыпая большихъ и сложныхъ верконъ, требующихъ много времени и средствъ на сооруженія и поддержку. Расположеніе укрѣпленій на командующихъ высотахъ, какъ напримѣръ это сдѣлано въ Карабуганѣ и въ Нижне-Эмбенскомъ укрѣпленіи, также не требуется, ибо существенной пользы это не приноситъ, а между тѣмъ обыкновенно удаляетъ гарнизонъ отъ воды.

8) Перевозочныя средства въ при-аральскомъ пограничьи пространствѣ состоятъ, главнымъ образомъ, въ киргизскихъ вьючныхъ верблюдахъ, изъ которыхъ каждый можетъ поднимать отъ двѣнадцати до шестнадцати пудовъ, смотря по времени года. Въ Каракумскихъ пескахъ верблюдовъ приходится иногда вырывать въ анипажи, такъ какъ лошади оказываются безсильными. Наемная плата за одного хорошаго верблюда въ мѣсяцъ можетъ составить до двадцати рублей серебромъ, а иногда и больше, смотря по спросу, предложенію и свойствамъ предстоющаго пути. Изрѣдка перевозка тяжестей производится на телегахъ, запряженныхъ лошадьми или волами, а вдоль Сыръ-дарьи постоянно на пароходахъ аральской флотиліи, которые перевозятъ ежегодно до 120,000 пудовъ, и потому требуютъ до 375,000 пудовъ сухого сансаула и значительное количество каменнаго угля.

Въ Хивѣ, несмотря на многочисленность осѣдлаго населенія, перевозочныя средства почти тѣ же, что у киргизовъ, такъ что арбы встрѣчаются рѣдко. За то здѣсь немало вьючныхъ ословъ и муловъ, которые соединяютъ въ себѣ, до нѣкоторой степени, выгоды лоша-

дей и верблюдовъ. Стоитъ замѣтить, что въ случаѣ степныхъ походовъ можно и даже полезно имѣть всегда нѣкоторый запасъ верблюдовъ безъ вьюковъ, съ пустыми корзинами по бокамъ, дабы съ одной стороны перекладывать на нихъ тяжести съ устающихъ животныхъ, а съ другой везти посмѣнно людей, что даетъ возможность дѣлать съ нѣхотою переходы отъ тридцати до сорока верстъ въ сутки, дѣлая дневки лишь изрѣдка, на мѣстахъ особенно удобныхъ къ тому.

9) Врачебныя средства для нашихъ войскъ заключаются въ лазаретахъ по нѣкоторымъ изъ укрѣпленій и въ мединахъ, находящихся при войскахъ. Средства вообще недостаточны, особенно въ случаѣ повальныхъ болѣзней, какъ доказала холера въ 1872 году. При войскахъ Туркестанскаго военнаго округа, по отчету за 1870 годъ, недоставало болѣе половины врачей, положенныхъ по штату. Впрочемъ, задача медицины много облегчается въ при-аральскихъ степяхъ хорошимъ климатомъ, такъ что болѣзненность войскъ здѣсь меньше, чѣмъ, напримѣръ, въ Казанскомъ округѣ, несмотря на частые походы и почлеги подъ открытымъ небомъ. Она станетъ еще меньше, если помѣщенія нижнихъ чиновъ улучшатся, такъ-какъ доселѣ имъ нрѣдко приходится жить въ землянкахъ. Введеніе въ общее употребленіе двойныхъ войлочныхъ юртъ, которыми бы замѣнили сырыя глиняныя постройки, особенно желательно съ гигиенической точки зрѣнія, тѣмъ больше, что, въ случаѣ зараженія одного мѣста, ихъ можно переносить въ другое; поддержка ихъ въ исправности нетрудна, благодаря содѣйствію киргизовъ, приготовляющихъ войлоки, а пригодность къ перевозкѣ на вьюкахъ можетъ обезпечить для солдатъ крытыя помѣщенія и въ походахъ. Войска давно уже оцѣнили выгоды этого кочевого жилища и столько же любятъ его, какъ чай, который былъ употребленъ ими задолго до введенія его въ офиціальныя табулы ихъ довольствія въ 1872 году.

Полковникъ Венюковъ.

Матеріалы:

Изученіе при-аральскаго пограничнаго пространства почти сполна принадлежитъ нашему вѣку, и хотя еще въ прошломъ столѣтіи туда проникали цѣлыя отряды войскъ, какъ Бекевичъ-Черкаскаго, и обстоятельныя изслѣдователи, какъ Глазышевъ, Муравьевъ, Вланконгагелъ, но собственно литературу предмета, имѣющую современный интересъ, можно начать съ „Путешествія въ Хиву“ *Муравьева*, совершеннаго въ 1819—1820 годахъ. Затѣмъ слѣдуютъ въ хронологическомъ порядкѣ:

Бергъ: Отчеты и разныя записки объ экспедиціи на Усть-Урть въ 1826 году, которые въ подлинникѣ хранятся въ архивѣ Главнаго Штаба.

Ковырзинъ: Слѣдствія о Хивинскомъ Ханствѣ, 1826; очень обстоятельная рукопись, составленная со словъ автора, астраханскаго мѣщанина.

Левшинъ: Описаніе киргизъ-кайсацкихъ ордъ и степей, 1832 г.

Я. Ханьковъ: Описаніе Хивинскаго Ханства, составленное въ 1839 году, передъ экспедиціею генерала Перонскаго въ высшей степени богатая содержаніемъ рукопись, заключающая въ себя все, бывшее извѣстнымъ о Хивѣ тридцать лѣтъ назадъ. Рукопись эта принадлежитъ Главному Штабу и не живетъ на себя имени автора; но въ Запискѣ Русскаго Географическаго Общества, кн. V, стр. 345, видно, что это былъ Я. Ханьковъ.

Офиціальная переписка по хивинской экспедиціи 1839—1840 г. — дѣло Главнаго Штаба.

Abbot: Journey from Herat to Khiva and Mangyshink 1841.

Динилевскій: Описаніе Хивинскаго Ханства, 1843. Подлинная рукопись принадлежитъ Главному Штабу и перепечатана въ Запискѣ Русскаго Географическаго Общества кн. V, впрочемъ съ опущеніемъ нѣсколькихъ главъ.

Ивановъ: Записки о Мангышлакѣ, объ Аму-дарьѣ и Хивинскомъ оазисѣ и о походѣ въ Хиву 1839—1840 годовъ.

Александръ: Описаніе при-амурскихъ степей и сѣверной половины Усть-Урты, богатая содержаніемъ рукопись, принадлежащая Главному Штабу.

Эвермана: Естественная исторія Оренбургскаго края.

Бларамбергъ: Военно-статистическое описаніе земли киргизовъ Оренбургскаго вѣдомства.

Vasiner: Naturwissenschaftliche Reise nach Chiva, 1848.

Макшеевъ: Описаніе Аральскаго Моря въ Запискѣ Русскаго Географическаго Общества 1851. Его же описаніе низовой Сыръ-дарьи (Морской Сборникъ 1856 г.) и Статистическія матеріалы о Туркестанскомъ краѣ (Записки Русскаго Географическаго Общества 1871 г.).

Даныковъ: Пояснительная записка къ картѣ Аральскаго Моря (Записки Русскаго Географическаго Общества 1851 г.).

Ю. Небольсинъ: О торговлѣ Россіи съ Среднею Азіею. Записки Русскаго Географическаго Общества кн. X.

Ханьковъ и *Толстой*: Списки астрономическихъ точекъ въ Средней Азіи Тамъ-же.

Борцовъ: Матеріалы для ботанической географіи Арало-Каспійскаго края.

Гривъ: Письма изъ Перовска въ «Военномъ Сборникѣ» 1859 г. и статьи объ укрѣпленіяхъ въ Оренбургскомъ краѣ, объ аральской флотиліи и пр. въ «Нижне-перскомъ Журналѣ».

Зинцовъ: Письма изъ Хивы въ 1858 и статьи о посольствахъ въ Хиву Панифорова и Данглескаго, все въ «Военномъ Сборникѣ».

Головцовъ: Походъ въ Хиву 1717 и походъ въ Хиву 1839—1840 годовъ, (см. Иланина).

Величко (?): Описаніе пути въ Хиву отъ Сарайчиковой крѣпости въ 1803 г. изданное Григорьевымъ въ 1861 г. Записки Русскаго Географическаго Общества.

Кудесовъ: О Хивинскомъ Ханствѣ при Сидъ-Мухамедъ-ханѣ. Тамъ же.

Мейеръ: Статьи въ «Морскомъ Сборникѣ»: Объ устьяхъ Эмбы (1861) и о дельтѣ Сыръ-дарьи (1862), въ «Военномъ Сборникѣ» 1862 о Каратаускихъ горахъ, и рукопись о сѣ-дарьинской степи до Дау-хоры, принадлежащая Главному Штабу.

Зыковъ: О хивинскихъ дѣлахъ 1838—1840 годовъ (Русское Слово) и объ

утвержденіи русскаго владычества на Аральскомъ Морѣ и Сыръ-дарьѣ (Морской Сборникъ 1862 г.).

Назаровъ: Воспоминанія о степномъ походѣ въ Хиву и Бухару — «Военный Сборникъ» 1864.

Вамбери: Путешествіе въ Среднюю Азію 1863.

Иващенко: Очерки низовой Сыръ-дарьи — «Морской Сборникъ» 1864.

Бутаковъ: Дельта и устья Аму-дарьи — «Отечественныя Записки» 1866 и «Туркестанскія Вѣдомости» 1872. Его же рукописи: объ Аральскомъ Морѣ и о плаваніи къ Кунграду въ 1858 г. въ архивѣ Главнаго Штаба; его же карта Аральскаго моря съ запискою въ Journal of London Geogr. Society.

Мейеръ: Описаніе области Оренбургскихъ Киргизовъ 1865.

Галкинъ: Этнографическіе матеріалы по Оренбургскому краю 1868.

Ивашино: Туркестанскій край въ 1866 году.

Романовскій: Замѣтки по среднеазиатскому вопросу 1868.

Костенко: Средняя Азія и распространеніе въ ней русской гражданственности, 1871 г.

Туркестанскій Ежегодникъ 1872.

Рукописный журналъ рекогносцировки въ 1871 г. Букаскихъ горъ *Головачева* и *Шарнгорста*.

Разныя рукописи и офіціальныя бумаги Главнаго Штаба.

Карты:

Спеціальная Оренбургскаго края, 10 в. въ 1 дюймъ.

Географическая Оренбургскаго края, 50 в. въ 1 д., 1848 г. съ Хивой и значительною частью Туркменіи, но безъ критическаго выбора мѣстностей при новейшихъ исправленіяхъ.

Карта Средней Азіи Военно - Топографическаго Депо, изданіе 1863 года, постепенно исправляемое, впрочемъ неудовлетворительно.

Карта Аральскаго моря и Хивинскаго Ханства, *Ханыкова*, составленная съ полнымъ знаніемъ дѣла.

Карта Аральскаго моря, изданная морскимъ вѣдомствомъ, съ профилями, на основаніи работъ Бутакова и др. Съемка Аму-дарьи Мошайскаго.

Географическія опредѣленія въ краѣ были дѣлаемы Леммомъ, Бутаковымъ, Струве и Шарнгорстомъ.

М. В.